

Филумена Мартурано

Эдуардо де Филиппо

Действующие лица

Филумена Мартурано

Доменико Сориано

Алфредо Аморецо

Розалия Солимене

Диана

Лючия служанка

Умберто

Риккардо

Микеле

Адвокат **Ночелла**

Терезина портниха

Первый официант

Второй официант

Действие первое

В доме Сориано.

Просторная столовая в роскошной мебелировке которой явно виден стиль 900-х годов. Во всем, однако, заметен довольно посредственный вкус. Несколько картин и безделушек, этих милых воспоминаний о временах короля Умберто, когда, очевидно, они завершили обстановку родительского дома Доменико Сориано, аккуратно развешены на стенах и расставлены на мебели. Они резко контрастируют по стилю со всей мебелью.

Дверь, находящаяся на месте первой левой кулисы, ведет в спальную комнату. У второй кулисы угол комнаты срезан стеклянной рамой, сквозь которую зритель видит широкую террасу с цветами. Сверху терраса защищена полотняным тентом, разрисованным цветными полосами. Направо в глубине сцены – входная дверь. Комната расширяется вправо, глубоко входит в кулису. Ее продолжением служит наполовину скрытый за шелковым занавесом «кабинет» хозяина дома. Для обстановки своего «кабинета» Доменико Сориано избрал все тот же стиль 900-х годов. В этом же стиле стеклянный шкаф, в котором выставлено большое количество кубков разнообразной формы и размеров. Это – «первые премии», завоеванные его рысаками. Два скрещенных «знамени» висят прямо на стене, позади письменного стола. Они получены за победы, одержанные на празднике Монтеверджине. Не видно ни одной книги, газеты, бумаги.

Этот угол, который один только Доменико Сориано осмеливается называть «кабинетом», прибран и чист, но без признаков жизни.

В центре столовой с некоторым вкусом и даже изысканностью накрыт стол не две персоны. В центре стола, как и положено, - букет свежих красных роз.

Поздняя весна, почти лето. Вечереет. Последние лучи солнца исчезают с террасы. Филумена Мартурано стоит, вызывая скрестив руки, у самого порога спальни. На ней длинная белая ночная рубашка. Волосы не причесаны, в спешке они слегка приведены в порядок. На ее босых ногах – ночные туфли. Лицо этой женщины – само страдание: в нем отразилось ее прошлое, полное борьбы и разочарований. Во внешнем облике Филумены нет вульгарности, но она не может скрывать своего плебейского происхождения, она даже и не хотела бы этого. Ее жесты широки и открыты; тон ее голоса – всегда решительный и искренний, присущий женщине совестливой, наделенной природным умом, внутренней порядочностью и силой. Это тон женщины, которая по-своему понимает законы жизни и по-своему пользуется ими. Ей всего сорок восемь лет. О ее годах говорят несколько седых волос на висках, но глаза сохранили юношескую свежесть, присущую неаполитанскому бедному люду.

Она мертвенно бледна, частично из-за своего притворства: ей необходимо было заставить окружающих поверить в свою близкую смерть. Частично от ожидания бури, которую ей теперь неизбежно придется перенести. Но она не чувствует страха, наоборот, она напоминает раненого зверя, готового прыгнуть на врага. Из противоположного угла – а точнее, из первой кулисы – Доменико Сориано смотрит на женщину с выражением человека, не видящего никаких препятствий к тому, чтобы доказать свою священную правоту, избавиться от позора и продемонстрировать всему миру низость обмана, жертвой которого он стал. Он чувствует себя обиженным, оскорбленным, словно в нем убили что-то, по его мнению, святое, но в чем он не может выглядеть в глазах окружающих потерпевшим поражение, выводит его из себя, лишает его здравого рассудка. Это – здоровый, крепкий человек лет пятидесяти. Он хорошо прожил свои пятьдесят лет. Благодаря обеспеченности и успешным делам сохранил горячность и внешность молодого человека. «Добрая душа» его отца, Раймонда Сориано, одного из самых богатых и хитрых кондитеров Неаполя, имевшего фабрики в Вирджинии и Форчелле и популярнейший магазины на неаполитанских

улицах Толедо и Фория, существовала только для сына. Капризы Доминико (в молодости он был известен как «Синьорино дон Мими») не имели границ ни по своей экстравагантности, ни по оригинальности. Они составили целую эпоху: в Неаполе до сего времени рассказывают об этом. Страстный любитель лошадей, он был способен целыми днями вспоминать с друзьями свои спортивные доблести, «подвиги» самых выдающихся породистых лошадей, которые проходили через его богатые конюшни. Сейчас на нем пижама, застегнутая на несколько пуговиц, Он стоит бледный и судорожно вздрагивающий перед Филуменой, перед этой «ничтожной» женщиной, с

которой он столько лет обращался как с рабыней и которая сейчас держит его в руках и может раздавить, как цыпленка.

В левом углу комнаты, почти у самой террасы, видна кроткая и покорная фигура донны Розалии Солимене. Ей семьдесят пять лет. У нее неопределенный цвет волос: скорее, белый, чем серый. Она одета в темное платье «траурного цвета». Розалия Солимене слегка горбится, но все еще полна жизни. Она жила в одном из нищих кварталов, в переулке Сан-Либорно, напротив дома, где жила семья Мартурано, о которой ей известно все: «жизнь, смерть и чудеса». Она знает Филумену с младенческих лет, была рядом с ней в самые горестные минуты ее жизни, никогда не жалела слов утешения, сочувствия, нежности, на которые так щедры женщины из народа. Их участие для страдающего сердца – настоящий бальзам. Розалия с тревогой следит за движениями Доминико, ни на мгновение не теряя его из виду. Из своего горького опыта она хорошо знает последствия гнева этого человека. Охваченная ужасом, словно окаменелая, она смотрит на него застывшим взглядом.

В четвертом углу стоит еще один персонаж: Альфредо Аморозо. Это приятный человек лет шестидесяти, плотной комплекции, сильный, мускулистый. Друзья дали ему прозвище Ложечка. Он был хорошим наездником, за что и взял его к себе Доминико. Альфредо остался у Доминико навсегда, выполняя функции рабочего козла отпущения, сводника, друга. С ним связано все прошлое хозяина. Достаточно посмотреть, как Альфредо глядит на Доминико, чтобы понять, до какой степени, вплоть до самопожертвования, он предан своему хозяину. Одет он в серый, несколько «раскованный» для своего возраста пиджак прекрасного покроя. Брюки на нем другого цвета. На голове набекрень кепка цвета «ореховой скорлупы». На жилете видна золотая цепочка. Альфредо в ожидании. Он, возможно, самый спокойный из всех, так как знает своего хозяина. Сколько раз ему доставалось от него! Когда поднимается занавес, мы видим четырех персонажей в положении, напоминающем игру в «четыре угла». Кажется, что они стоят там, играя как дети; но это жизнь сталкивает их друг с другом. Продолжительная пауза.

Доменико (некоторое время ожесточенно осыпает себя пощечинами). Сумасшедший, сумасшедший! Сто раз, тысячу раз сумасшедший!

Альфредо (робко пытается прервать). Что вы делаете?

Розалия подходит к Филумене и набрасывает ей на плечи шаль, которую взяла со стула в углу.

Доменико. Ничтожество, вот кто я! Мне надо встать перед зеркалом и без усталости плевать себе в лицо. (Обращается к Филумене, и ненависть вспыхивает в его глазах.) Рядом с тобой, возле тебя я растратил всю свою жизнь, двадцать пять лет здоровья, сил, ума, вся молодость! Чего же тебе еще надо? Чего ты еще хочешь от Доменико Сориано? Тебе нужны и последние клочья моей шкуры, вот этой самой, из которой вы делали все, что хотели. (Вне себя, всех обвиняет). Все делали со мной что хотели! (Обращаясь к себе, с презрением.) **Пока ты верил**

в Иисуса Христа, сошедшего на землю, все распоряжались твоей шкурой, как им вздумается. *(Указывает на всех, словно обвиняет.)*. Ты, ты, ты... весь переулок, квартал, Неаполь, мир. Все принимали меня за дурака! Всегда! *(Вдруг вспоминает, как обманула его Филумена, кровь вскипает в его жилах.)* Даже думать об этом не могу – ужас какой-то! А ведь я должен был этого ждать. Только такая женщина, как ты, могла сделать то, что сделала! Двадцать пять лет не смогли изменить тебя! Но не надейся, что ты добилась своего: до победы еще далеко! Я убью тебя и отделаюсь тремя грошами. Такие женщины как ты, недорого стоят: три гроша! А всех, кто помогал тебе: врачу, священнику... *(указывает с угрожающим видом на Розалию, которая вздрагивает, и на Альфредо, стоящего спокойно)* этих двух мерзавцев, которых я кормил столько лет... убью всех! *(Решительно)* Револьвер... дайте револьвер!

Альфредо *(спокойно)*. Я отнес оба револьвера в чистку к оружейнику, в чистку. Вы сами сказали.

Доменико. Сколько же я наговорил... И сколько меня заставили наговорить . Но теперь все кончено. Увидите! Теперь я очнулся... *(Филумене)* Ты уйдешь отсюда... И если ты не уйдешь на собственных ногах... тебя вынесут отсюда действительно мертвой! Никакой закон, никакой бог не остановит Доменико Сориано, я обвиню вас во лжи! Я упрячу вас всех за решетку! Денег у меня хватит, Филуме, лопну, но добьюсь своего. Ты еще у меня потанцуешь. Я всем скажу, кто ты была и из какого дома я тебя взял . И любой суд оправдает меня, я раздавлю тебя, Филуме, я раздавлю тебя!

Филумена *(никакого впечатления, уверенная в себе)*. Все сказал? Кончил? Хочешь еще что-нибудь добавить?

Доменико *(резко)*. Замолчи! Заткнись! Я не хочу тебя слушать! *(Достаточно услышать ему голос этой женщины, как он сразу выходит из себя.)*

Филумена. Дай мне высказать тебе все, что здесь *(показывает на желудок)*, и я никогда не посмотрю больше на твое лицо, и ты не услышишь от меня ни звука.

Доменико *(с презрением)*. Продажная тварь! Продажная тварь! Ты была тварью, ею и осталась!

Филумена. Зачем ты так говоришь? Что за новость? Разве не всем известно, кем я была и где я была? Однако же туда ко мне ты приходил...и ты и другие! И почему я должна была принимать тебе лучше, чем к других? Разве все мужчины не одинаковы? Сейчас я расплачиваюсь за то, что сделала, я и моя совесть . Но теперь я – твоя жена и меня не сдвинуть с этого места, даже карабинеры!

Доменико: Ты- моя жена? Филуме, что за номера ты сегодня выкидываешь? За кого это ты вышла замуж?

Филумена: *(холодно)*. За тебя!

Доменико: Ты сошла с ума! Обман очевиден. Все это было спетаклем У меня есть свидетели. *(Указывает на Альфредо и Розалию.)*

Розалия *(с готовностью)*. Нет. Я ничего не знаю... *(Не хочет вмешиваться в такое серьезное дело)*. Я видела только, что донна Филумена легла в постель, ей стало плохо и у нее началась агония. Она ничего мне не сказала, и я ничего не поняла.

Доменико *(к Альфредо)*. А ты? И ты не знал, что агония была притворством?

Альфредо. Дон Думми, ради мадонны! Ведь донна Филумена меня терпеть не может, и она доверит мне свои секреты?

Розалия *(к Доменико)*. А священник?... Кто мне велел позвать священника? Не вы ли?

Доменико. Потому что она... *(показывает на Филумену)* просила найти его! И я решил доставить ей удовольствие...

Филумена. Ты же никак не мог поверить, что я на тот свет отправлюсь. Ты был вне себя от счастья, что освобождаешься от меня!

Доменико. *(презрительно)*. Ты молодец! Поняла! Bravo! Когда падре, поговорив с тобой, сказал мне: «Обвенчайтесь с ней в последний миг ее жизни. Это ее единственное желание. Узаконьте вашу связь с благословения господ...» – я ответил...

Филумена. «...Что мне терять? Она при смерти. Через час все кончится, и я избавляюсь от нее» *(с насмешкой)*. Тебе стало плохо, дон Доменико, когда, едва лишь падре вышел, я спрыгнула с кровати и заявила: «Поздравляю, дон Думми, мы теперь муж и жена!»

Розалия. Я чуть не упала, услышав это! Я так хохотала! *(Продолжает смеяться)*. Боже, но как здорово она сыграла.

Альфредо. И даже агонию!

Доменико. Заткнитесь оба, иначе я вам обоим устрою такую агонию! *(Исключая любое проявление слабости со своей стороны)*. Нет, это невозможно. Ну, невозможно! *(Вдруг вспоминает, что есть человек, который несет полную ответственность за обман)*. А врач? Как ты врач! Чему тебя учили? Как ты мог не догадаться, что эта женщина совершенно здорова и что она тебя дурачит?

Альфредо. По-моему, он просто ошибся

Доменико *(с презрением)*. Придержи язык, Альфредо. Он заплатит за эту ошибку. Заплатит, если есть бог! Потому что он не ошибку совершил. Он пошел на обман. *(Филумене, язвительно)*. Доктору позолотили ручку, не правда ли? Ты дала ему деньги?

Филумена *(с отвращением)*. У тебя только деньги на уме! За деньги ты покупал все, что хотел! Ты и меня купил за деньги! Недаром же тебя называли дон Доменико Сориано – лучшие портные, лучшие сорочки. Твои лошадки бегали, ты их заставлял... Но Филумена Мартуруано заставила тебя побегать! И ты бежал, не замечая этого... Ты еще побегаешь у меня, высунув язык! И поймешь, как живется порядочным людям! Врач ничего не знал. Даже он поверил во все. А как же могло быть иначе! У любой женщины, прожившей с тобой двадцать пять лет, начнется агония. Я была твоей рабыней! *(К Розалии и Альфредо)*. Я была его рабыней все

двадцать пять лет, вы это видели. Когда он уезжал поразвлечься: Лондон, Париж, скачки – я оставалась сторожем... Я бегала с фабрики в Форчелла на фабрику в Вирджинии, из магазина на Толедо на улицу Фория, в другой магазин. Если бы не я, твои служащие давно бы раздели тебя. *(Подражая лицемерному тону Доменико.)* «Филуме, какая ты женщина. Что бы я делал, без тебя...!» Я вела твой дом лучше, чем твоя жена. Я ему ноги мыла всю жизнь и ни разу не почувствовала, что он оценил мою преданность. Ни разу! Всю жизнь я как будто твоя рабыня и в любое время меня можно выставить за дверь!

Доменико. О чем ты говоришь? Ты же никогда не была покорной. Ты никогда не понимала реальную ситуацию, которая существовала между мной и тобой. Вечно с недовольным лицом. Я иногда себя спрашивал: «Может быть это я в чем-нибудь виноват? Может быть это я что-то сделал не так?» Сколько мы с тобой живем, я никогда не видел тебя плачущей.

Филумена. А ты хотел, чтобы я из-за тебя плакала? Ты не стоишь этого!

Доменико. Что это за женщина! Что это за женщина – не плачет, не ест, не спит. Я никогда не видел тебя спящей, Филуме. Проклятая душа - вот ты кто.

Филумена. Когда же это у тебя было желание увидеть, как я сплю? Ты дорогу в дом давно забыл. Сколько праздников, сколько новогодних ночей я провела одна, как бездомная собака. Да знаешь ли ты, когда плачется? Слезы появляются, когда знаешь, что такое добро, иметь его не можешь. Но Филумена Мартуруано не знала, что такое добро... Когда знаешь только плохое – не плачешь. Да, Филумена Мартуруано никогда не имела удовольствия плакать! Со мной всегда обращались, как с самой последней женщиной! Всегда! *(Только к Розалии и Альфредо – единственным свидетелям этой святой правды).* Сейчас незачем вспоминать твою молодость. Но теперь? Тебе же пятьдесят два года! И он до сих пор приносит носовые платки, выпачканные губной помадой. Меня тошнит от этого... *(Розалии)* Розалия, где они?

Розалия. У меня, хранятся.

Филумена. Никакой осторожности, ни разу у тебя не мелькнула мысль: «Лучше будет, если я спрячу их... Вдруг она найдет?» Ну и что, пусть найдет, а дальше что? А кто она такая? Какие у нее права? Он глупеет при виде этой...

Доменико. *(будто застигнутый на месте преступления, в ярости)* При виде кого? Кого?

Филумена. *(никакого признака страха от возросшего гнева Доменико)* ...тошнотворной девки. Думаешь, я не поняла? Ты не умеешь врать, это твой недостаток. Пятидесятидвухлетний старик и двадцатидвухлетняя девчонка и не чувствует стыда! Привел ее в дом под видом медицинской сестры...Думал, что я в самом деле умираю... *(Словно рассказывая о невероятных вещах).* Всего час тому назад, до того как пришел поп, чтобы обвенчать нас, думая, что я отдаю богу душу и не вижу ничего, они у моей постели обнимались и целовались. *(С нескрываемым чувством отвращения).* Мадонна... Как мне противно! А если

я и в самом деле была бы при смерти, ты себя вел бы так же? Ну конечно, я ведь умирала, а стол накрыт для него и для этой притворщицы.

Доменико. Ну что же? Если ты умираешь, я не должен есть больше? Мне тоже умирать прикажешь?

Филумена. Что это за розы на столе?

Доменико. Розы как розы!

Филумена. Красные?

Доменико (*раздраженно*). Да, красные, зеленые, лиловые...Ну и что из этого? Разве я не могу принести домой розы? Думаешь, если ты умерла, я не имел на это право? Да, я радовался, что ты умираешь!

Филумена. А я вот не умерла. (*Со злостью*) И еще долго проживу, Думми. Пока не умру.

Доменико. Для меня это небольшая помеха. (*Пауза*). Я одного не могу понять. Ты сама говорила: для меня все мужчины одинаковы. Зачем же ты хотела выйти только за меня? И если я люблю другую женщину и хочу жениться на ней..., то женюсь, Диана станет моей женой, и тебя не касается, сколько ей лет: двадцать два года, меньше, больше...

Филумена (*С иронией*). Смешно! Я так переживаю! Да какое мне дело до тебя, до девчонки, из-за которой ты потерял голову, и до всего остального? Ты что, думаешь, я это сделала из-за тебя? Ты мне безразличен и всегда был безразличен. Ты мне двадцать пять лет говорил, что такая женщина, как я, сумеет получить то, что она хочет?! (*Пауза*) Мне нужен... ты мне нужен! Ты надеялся, что эта баба, прожив с тобой, как раба, двадцать пять лет, вот так и уберется прикрываясь руками отсюда голой.

Доменико. (*С торжествующим видом, думая, что понял скрытый смысл насмешки Филумены*) А-а, деньги! Разве я не давал тебе денег? По-твоему, Доменико Сориано, сын Раймондо Сориано (*гордо*), одного из самых крупных и уважаемых кондитеров Неаполя, не хочет обеспечить тебя, чтобы ты ни в чем не нуждалась?

Филумена. (*обессилев от его непонимания, с презрением*). Да замолчи ты! Какие деньги, Думми? Успокойся и оставь себе на здоровье эти деньги. Ну почему мужчины ничего не понимают. Мне надо другое от тебя... и ты дашь это! Ты дашь мне это! У меня трое детей, Думми! (*Доменико и Альфредо ошеломлены. Розалия, наоборот, невозмутима*)

Доменико. Трое детей? Что ты говоришь, Филуме?

Филумена (*повторяет машинально*). У меня трое детей, Думми!

Доменико (*растерянно*) А... от кого они?

Филумена. (*заметив страх Доменико, холодно*). От таких же, как и ты!

Доменико. Филуме... Филуме... Ты играешь с огнем! Что значит: «От таких, как ты?»

Филумена. Потому что все мужчины одинаковы.

Доменико. (*Розалия*) Вы знали это?

Розалия. Да, синьор. Знала.

Доменико. *(к Альфредо).* А ты?

Альфредо *(оправдываясь).* Нет. Донна Филумена ненавидит меня, я же говорил вам

Доменико *(еще не окончательно поверил, как бы разговаривая с самим собой)* Сколько же им лет?

Филумена. Самому старшему двадцать шесть.

Доменико. Двадцать шесть лет ?

Филумена. Не делай такого лица! Дети не твои.

Доменико *(несколько ободрившись)* А они-то знают тебя? Известно им, что ты их мать?

Филумена. Нет. Но я их всегда вижу и разговариваю с ними.

Доменико. Где они живут? Что делают? На какие средства существуют?

Филумена. На твои деньги!

Доменико. На мои деньги?

Филумена Да, на твои деньги! Я крада их у тебя! Я таскала их из твоего бумажника! Я воровала у тебя на глазах!

Доменико *(С презрением)* Воровка!

Филумена *(без малейшего страха)* Да! Я обкрадывала тебя! Продавала твои костюмы и обувь и ты никогда этого не замечал! Помнишь кольцо с бриллиантом? Я сказала, что потеряла его. Я продала его. На твои деньги я вырастила моих детей .

Доменико *(с неприязнью)* Я держал воровку в моем доме! Чудовище!

Филумена. *(словно не слыша продолжает)* Микеле...

Розалия *(которой кажется, что хозяйка выразилась не точно, поправляет)* Водопроводчик, у него мастерская рядом в переулке.

Доменико *(не поняв).* Как?

Розалия *(стараясь отчетливо исправить слово).* Водопроводчик. Как говорят: налаживает краны, и сверлит фонтаны...

Филумена. Риккардо.

Розалия. Какой красавец! Ну и парень! Его магазин на Кьяйя, во дворе дома № 74. Торгует сорочками. И покупателей у него много.

Филумена. Умберто...

Филумена. Этот захотел учиться. Бухгалтером стал. И даже в газету пишет.

Доменико. *(с иронией).* Скажите- ка, есть даже писатель в нашей семье!

Розалия *(Восхищается материнскими качествами Филумены).* Ах, какая это мать! Они никогда ни в чем не испытывали недостатка. Я уже старуха и скоро предстану перед судом всевышнего. Бога нельзя обмануть, он все видит, все знает, и все прощает. Когда они были совсем малышами, в пеленках, у них не хватало разве только птичьего молока...

Доменико... и все на деньги дона Доменико

Розалия (*с внезапным чувством справедливости*). Вы же бросали на ветер свои деньги!

Доменико. А что, я должен был отчитываться перед кем-нибудь?

Розалия. Нет, что вы, синьор! Но вы ведь даже не замечали расходов на детей!

Филумена. (*презрительно*). Не обращайтесь внимания! Не отвечайте ему!

Доменико (*овладев собой*). Филуме, тебе обязательно хочется разозлить меня? Ты понимаешь, что ты натворила? Я стану игрушкой в глазах людей! Эти три синьора, которых я даже издали никогда не видел и не знаю, откуда они взялись, однажды рассмеются мне в лицо: «Не жизнь, а сказка! У дона Доменико хватит деньжонок на наш век!»

Розалия (*отвергая это предложение*). Нет, синьор, только не это!. Они ведь ничего не знают. Донна Филумена поступала всегда так, как нужно: осторожно и разумно. Нотариус вручил деньги водопроводчику, когда тот открыл мастерскую в переулке, сказав, что они от одной синьоры, которая пожелала остаться неизвестной... То же произошло и с торговцем сорочками. Тому же нотариусу было поручено высылать Умберто раз в месяц деньги, чтобы он мог учиться. Нет-нет, вы здесь совсем ни при чем.

Доменико (*с горечью*). А я только платил!

Филумена (*с неожиданной резкостью*). А что я должна была – убить их ? Убить их? Ну да, это нетрудно было сделать, а, Думми? Уничтожить их – многие женщины поступают так! Вот тогда бы Филумена действительно стала хорошей? (*Вызывающе.*) Убить их? Отвечай! Это советовали мне все мои подруги там... (*Намекает на дом терпимости* «Брось, что же ты медлишь? Не думай ни о чем!») (*Убежденно.*) Да как же не думать! Как бы я стала жить дальше? Совесть замучила бы. И я поговорила с мадонной. (*Розалии.*) Маленькую мадонну, покровительницу роз, помните?

Розалия. Конечно, она очень добра, мадонна, покровительница роз! Каждый день она свершает чудо!

Филумена (*вспоминая свою мистическую встречу*). Было три часа ночи. Я шла одна по улице. Шесть месяцев, как я ушла из родительского дома. (*О чувстве матери, которое появилось у нее впервые.*) Это был мой первый! Куда идти? С кем посоветоваться? В ушах у меня еще раздавался голос подруги: « Чего ты ждешь? И не думай!» А я все шла и шла, неизвестно куда. Потом увидела, что стою в моем переулке перед алтарем мадонны роз. Я заговорила с ней. (*Упирает руки в бока и поднимает глаза к воображаемому изображению мадонны, словно желая говорить с ней, как женщина с женщиной.*) «Что мне делать? Ты все знаешь... Тебе известно также, почему я согрешила. Ну, как мне быть?» Она молчит, не отвечает. (*возбужденно.*) «Вот ты какая! Чем меньше слов от тебя слышат люди, тем больше они верят тебе! Отвечай! Отвечай! Я же с тобой разговариваю! (*Дерзко и взволнованно.*) Отвечай!» (*Повторяет машинально чей-то незнакомый голос, который тогда неизвестно откуда ей слышался.*) «Дети есть дети!» Я похолодела. Как была, так и застыла. (*В оцепенении*

устремляет глаза на воображаемую мадонну.) Может быть, если б я обернулась, я бы увидела, откуда исходит этот голос: из дома, с открытого балкона, из соседнего переулочка или из какого-нибудь окна... Но я подумала: «А почему голос прозвучал именно сейчас? Разве люди знают, что случилось со мной?» Нет, это была она... Это была мадонна! Она увидела, что с ней хотят поговорить напрямую, и она ответила... Каждый раз, когда ей надо поговорить с людьми, она обращается к одному из нас. Когда я слышала голос подружки, это тоже была она. Она испытывала меня! Не знаю, может, мне показалось, но мадонна кивнула, вот так. *(Кивает, словно говоря: «Да, ты поняла.»)* «Дети есть дети!» И я поклялась. Вот почему я и была все эти годы с тобой... Ради них я терпела все то, что ты сделал и как ты обращался со мной! А ты помнишь того юношу, что влюбился в меня и хотел жениться? А ты уже пять лет ходил ко мне, хотя и жил с женой в своем доме, а я на Сан Путито в комнатухе... Наконец-то я получила возможность уйти оттуда... *(намекает на дом терпимости)* после стольких лет знакомства ты снял наконец для меня эти комнатухи! Он хотел на мне жениться, бедный парень... Но ты устроил сцену ревности. Я и сейчас слышу: «У меня есть жена, я не могу жениться на тебе. Если он женится на тебе...» Потом ты заплакал. Ты-то умеешь плакать. Ты... ты – это не я: ты умеешь плакать! Я ответила тогда: «Ну ладно, такая уж моя судьба! Всей душой Доменико меня любит, а жениться хочет, но не может – женат... Будем и дальше жить в комнатах на Сан Путито!» Но два года спустя твоя жена умерла. Время шло... а я по-прежнему жила на Сан Путито. И думала я: он молод и не хочет связывать себя еще раз на всю жизнь с другой женщиной. Придет время, и он поймет и оценит все, чем я пожертвовала! И я ждала. А когда я говорила тебе время от времени: «Думми, знаешь у кого еще свадьба? Помнишь девушку, что жила напротив моих окон?...» – ты смеялся. Ты хохотал так же, как в те времена, когда поднимался по лестнице со своими друзьями ко мне не на Сан Путито, а туда. Вы начинали смеяться на лестнице... Обычно так смеются с середины лестницы... Это был искусственный смех. Всегда одинаков этот смех. Кто бы ни смеялся! Мне хотелось убить тебя за него! *(Терпеливо.)* Я ждала. Я ждала двадцать пять лет! Я ждала твоей милости, дон Доменико! Сейчас тебе пятьдесят: старик! Но господи боже мой, он и теперь он воображает себя молодым! Таскается за молоденькими девчонками, становится настоящим кретином, носит платки, испачканные губной помадой, и приводит девчонку в дом! *(Угрожающе.)* Приведи-ка ее сейчас, когда я – твоя жена. Я выгоню и тебя, и ее. Мы поженились. Священник нас обвенчал. Это – мой дом!

Раздается звонок в прихожей. Альфредо выходит в дверь направо.

Доменико. Твой дом? *(Неестественно смеется, с иронией.)* Ты меня смеяться заставляешь!

Филумена *(смотрит на него с коварством.)* Смеется... Смейся! Я с удовольствием послушаю твой смех. Теперь мне безразлично, как ты смеешься.

Возвращается Альфредо, некоторое время смотрит на всех, озабочен тем, что должен сообщить.

Доменико (*заметив это, грубо обращается к нему*) Что тебе?

Альфредо. Э... что мне? Принесли ужин!

Доменико. По-твоему я не имею права поужинать? Зови...

Альфредо (*словно говоря: «Я здесь ни при чем».*) Эх... дон Думми! (*Говорит по направлению к правой двери.*) Входите!

Входят двое официантов из ресторана. Они несут кастрюлю и корзинку с ужином.

Первый официант. Карла, давай (*Карла поет*). Синьор, цыпленок только один. Он большой, его хватит, чтобы накормить четырех человек. Все, что заказали – самого высшего качества. (*Хочет открыть кастрюлю.*)

Второй официант. Высочайшего качества.

Доменико (*раздраженный, останавливает официанта.*) Послушай-ка, знаешь теперь что сделай? Уйди отсюда.

Первый официант. Слушаю, синьор. (*Берет из корзины пирожное и кладет его на стол.*) Вот это пирожное любит синьорина... (*Ставит бутылку вина.*) А вот вино. (*Слова официанта раздаются в мертвой тишине. Но он не хочет уходить: сбитый с толку, произносит медоточивым тоном.*) А... вы, по-видимому забыли?

Доменико. Что?

Первый официант. Ну как же? вспомните, вы приходили сегодня заказывать ужин. Я спросил еще, нет ли у вас старых брюк. «Приходи сегодня вечером, - ответили вы, - И если нечто произойдет, если у меня будут хорошие новости, я, так и быть, подарю тебе свой новый костюм!»

Второй официант. А он тогда отдаст мне свои старые брюки.

Мрачная тишина. Пауза.

(*Бесхитростно, не зная сути дела, сожалеет.*)

Первый официант. Значит, нечто не произошло? (*Ожидает ответа.*) У вас нет хороших вестей?

Доменико (*угрожающе*). Я сказал тебе – уходи!

Первый официант (*удивленный тоном Доменико.*) Давай, Карло... (*Смотрит снова на Доменико, а затем печально.*) Уйдем отсюда, Карло, значит, нет хороших новостей... Не везет мне! (*Вздыхает.*) Доброго вечера. (*Выходит вместе с товарищем в дверь направо.*)

Филумена (*после паузы, саркастически, к Доменико.*) Ешь! Почему же ты не ешь? Appetit пропал?

Доменико (*в затруднении, со злобой.*) Поем! Попозже и поем и выпью!

Филумена (*намекая на Диану*). Ах да! Как же! Придет эта вяленая рыба.

Из прихожей входит Диана. Это красивая девушка двадцати двух лет – точнее, она пытается казаться двадцатидвухлетней, на самом же деле ей двадцать семь. Она жеманно – элегантная. На ее фигуре лежит некоторая печать снобизма. Смотрит на всех сверху вниз. Важно расхаживая, разговаривает понемногу со всеми, не обращаясь непосредственно ни к кому из присутствующих, что говорит об ее презрении ко всем. Поэтому она не замечает Филумену. Машинально кладет на стол пакеты с лекарствами. Берет с одного из стульев белый халат медсестры и надевает его.

Диана. Сколько народу в аптеке, настоящая толпа. (*Грубо, принимая тон хозяйки.*) Розалия, приготовьте мне ванну. (*Заметив розы на столе.*) О, красные розы!... Спасибо, Доменико. Купила камфору и адреналин. Кислорода нет. Какой аппетитный запах: даже слегка захотелось кушать. (*Взяв со стола коробку с ампулами.*)

Доменико словно ослеплен. Филумена стоит не моргнув глазом: она ждет. Розалия и Альфредо почти развеселились.

(*Садится рядом со столом лицом к публике и зажигает сигарету.*) Я думала: если... Боже, не хотелось бы этого говорить, но теперь... если она умрет сегодня ночью, завтра рано утром я уеду. Можно уехать с приятельницей – у нее своя машина. В этом доме я бы просто мешала. В Болонье столько дел накопилось, мне будет чем заняться. Вернусь через десять дней и зайду навестить вас, Доменико. (*О Филумене.*) Ну... а как она? Все еще в агонии? Священник пришел?

Филумена (*овладев собой, с наигранной любезностью, медленно подходит к Диане.*) Священник пришел...

Застигнутая врасплох, Диана встает и пятится назад.

И сразу же увидел, что агония у меня продолжается. (Хищно.) Снимай-ка хламиду!

Диана (*не поняв*). Как?

Филумена. Хламиду сними.

Розалия (*замечает, что Диана и на этот раз не поняла, и, чтобы предотвратить скандал, советует ей осторожно.*) Снимите это. (*Трясет двумя пальцами кофту на себе.*)

Диана, наконец понимает, что Филумена имеет в виду медицинский халат. С инстинктивным страхом снимает его.

Филумена (*которая проследила движения Дианы, не спуская с нее глаз.*) Положи туда... Туда положи. На стул повесьте.

Диана кладет халат.

Филумена (*снова принимает любезный тон, имея в виду священника*). Он увидел, что агония продолжается, и посоветовал дону Доменико узаконить нашу связь перед смертью.

Диана, желая вновь принять важный вид и не зная, что делать, берет со стола розу и делает вид, что нюхает ее.

(Оглушает ее ледяным тоном.) Положи розу! Розу положи обратно.

Диана, словно выполняя приказание командира, кладет розу на стол.

Филумена *(снова становится вежливой.)* И дон Доменико согласился, что это справедливо: «Она заслужила это. Двадцать пять лет эта несчастная была рядом со мной...» И есть еще много причин, которые мы не обязаны объяснять вам. Он подошел к кровати (продолжая вспоминать священника), и мы обвенчались... два свидетеля, и благословение святого отца. Есть, наверное, браки, которые хорошо помогают здоровью... То-то я сразу почувствовала себя лучше. Я прыгнула с постели и отложила смерть. Разумеется, где нет больных, там не нужны медицинские сестры? Нет! И прочие мерзости? Нет! *(Указательным пальцем вытянутой правой руки наносит Диане точные размеренные удары по подбородку. От этого Диана резко и вместе с тем произвольно кивает головой, словно говоря – «нет»)* и непристойности *(Снова ударяет Диану)* в присутствии умирающей женщины? Нет! Ты же знала, что я умираю... Прodelывай все это в доме своей матери! Пошла вон к такой матери! Пошла вон отсюда, это мой дом! Ищи себе другой дом!

Диана улыбается, как помешанная, словно хочет сказать: «Я ее не знаю».

Диана *(сама продолжая улыбаться, пятится назад до порога двери.)* Хорошо.

Филумена. А если захотите пожить совсем хорошо, отправляйтесь туда, где я была... *(Намекает на дом терпимости.)*

Диана. Куда?

Филумена. Спросите у дона Доменико. Он и раньше ходил и по сей день туда ходит. Идите.

Диана *(сломленная испепеляющим взглядом Филумены, вдруг внезапно приходит в возбуждение).*

Спасибо. *(Направляется к правой двери.)*

Филумена. Не за что. *(Возвращается на свое место в левом углу.)*

Диана. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Доменико *(который до этого момента был погружен в странное раздумье, Филумене).* Как ты вела себя с ней?

Филумена. Она заслужила *(Жест презрения в адрес Доменико.)*

Доменико. Слушай, что я скажу... ты – черт... С тобой надо держать ухо востро... твои слова у меня крепко засели в голове. Теперь я хорошо узнал тебя. Ты – как моль. Как ядовитая моль, которая все губит там, где садится. Ты сказала одну вещь, она не выходит у меня из головы: «Мне другое от тебя надо... и ты отджашь это!» Не деньги, нет. Ты знаешь, что получишь их... *(Разъяренный.)* Что ты еще хочешь? Что у тебя еще на уме? О чем ты думаешь? Почему ты молчишь?... Ну, скажи!

Филумена *(просто).* Думми, знаешь эту песенку? *(Напевает мотив неаполитанской песни.)*
«Приручаю, приручаю я красивого щегла...»

Розалия *(поднимая глаза к небу).* О, мадонна!

Доменико (*боязливо, подозрительно, робко, Филумене*). Что это значит?

Филумена (*решительно*). Щегол – ты!

Доменико. Филумена, говори яснее... Не своди меня с ума... Меня трясет, как в лихорадке, Филуме...

Филумена (*серьезно*). Дети есть дети!

Доменико. Что ты хочешь сказать?

Филумена. Они должны знать, кто их мать... Они должны знать, что она сделала ради них... Они полюбят меня! (*воспламенившись*.) Им не стыдно будет стоять рядом с другими людьми. Они не будут чувствовать униженными, когда придется пойти за документами или бумагой какой-нибудь. Они должны узнать, что такое семья, дом... Семейный совет, решаем важные дела... Они должны носить мою фамилию!

Доменико. Твою фамилию? Какую?

Филумена. Ту, что ношу я... Мы же супруги – Сориано!

Доменико (*взбудоражен*). Я так и думал! Я хотел услышать это из твоих нечестивых уст.! (*Имея в виду план Филумены*). Здесь? В моем доме? Мою фамилию? Этим?..

Филумена (*угрожающе, чтобы помешать ему произнести еще слово*). Этим – кому?

Доменико. Твоим детям! Ты надеялась исправить ошибку, успокоить свою совесть и спасти себя от греха. Привела в дом каких-то трех чужаков. Пока мои глаза не закрылись навсегда, ноги их не будет в этом доме! (*торжественно*.) Клянусь душой моего отца...

Филумена (*неожиданно, в искреннем порыве прерывает его, словно желая предостеречь от несчастья, которое может случиться от необдуманного свершенного кощунства*). Не клянись! Ты не сможешь сдержать! Однажды я поклялась и теперь двадцать пять лет прошу у тебя милостыни... Не клянись, ты не сможешь сдержать этой клятвы... Умрешь проклятым, если не придешь сам однажды просить у меня милостыню...

Доменико (*под впечатлением слов Филумены, словно потеряв рассудок*). Что ты еще придумала?... Но я не боюсь тебя! Ты не испугаешь меня! Ведьма!

Филумена (*вызывающе*). А зачем ты говоришь это?

Доменико. Замолчи! (*к Альфредо, снимая пижаму*). Подай пиджак!

Альфредо молча идет в «кабинет».

Завтра ты уйдешь отсюда! Я приведу адвоката и разоблачу тебя. Я попал в ловушку. Есть свидетель... Если же и закон не признает моей правоты, я убью тебя!

Филумена (*с иронией*). А где же вы тогда поселите меня?

Доменико. Там, где была. (*Выходит из себя*.)

Возвращается Альфредо. Доменико вырывает у него пиджак из рук и надевает его.

Завтра ты отправишься к моему адвокату, понял?

Альфредо кивает головой, что означает – «да».

Мы еще посмотрим, Филуме!

Филумена. Ну что ж? Посмотрим!

Доменико. Я покажу тебе, кто такой Доменико Сориано и из какого теста он сделан.

(Уходят в глубь сцены.)

Филумена *(указывая на стол).* Садись, Розали... наверное, и ты проголодалась! *(садится к столу лицом в зал).*

Доменико. Будьте здоровы...Донна Филумена, из Неаполя!

Филумена *(напевая).* «Я приручаю красивого щегла...»

Доменико *(в ответ на пение Филумены зло хохочет, словно намеренно стремясь оскорбить и насмеяться над ней).* Запомни этот смех... Филумена Мартурано!.. *(Уходит вместе с Альфредо в глубину сцены направо).*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Следующий день. Декорация та же. Чтобы вымыть пол, служанка убрала все стулья: некоторые вынесла на террасу, другие перевернуты и лежат на столе. Часть стульев расставлены в «кабинете» Доменико. Края ковра, в центре которого стоит стол, загнуты. В комнату проникают яркие лучи прекрасного солнечного утра. Служанку зовут Лючия. Эта симпатичная и здоровая девушка лет двадцати трех. Она закончила свою работу. Выжимает в последний раз тряпку в ведре с грязной водой и уносит все на террасу.

Альфредо. *(Усталый, сонный, входит из прихожей, в то время как Лючия собирается расправить ковер).* Лючия, доброе утро.

Лючия *(Останавливает его, сердито жестикулирует).* Не топчите пол ногами!

Альфредо. Нет, что вы, теперь буду ходить только на руках!

Лючия. Измучилась совсем... кончила наконец убирать! *(показывает на пол, еще не совсем высохший.)* Это ваши следы?

Альфредо. Следы?... Нет, что ты, я давно сижу! *(Садится рядом со столом).* Поняла, что означает «сижу»? Просидел всю ночь подле донна Доменико, не сомкнув глаз. Он пристроился у парапета памятника Караччоло. А на улице ведь свежо... И почему всевышний именно меня заставил служить Доменико Сориано! Но я не жалею, о боже! Он помогал мне в жизни... Были у нас и счастливые времена – жили душа в душу: он для меня, я для него! О господи помоги ему прожить тысячу лет, но дай ему жизнь тихую и спокойную. Мне шестьдесят лет, и я не мальчишка, чтобы не спать всю ночь, любуясь на него!... Лючи, принеси чашку кофе.

Лючия *(Расставила стулья. Не обращая внимания на излияния Альфредо, с непосредственностью).* Его нет?

Альфредо. *(Удивленно)* Нет?

Лючия. Ну да, кончился. Оставался только вчерашний. Одну чашку я выпила, другую предложила донне Розалии, она отказалась, и я отнесла ее донне Филумене. Третью чашку берегу для донна Доменико, вдруг придет...

Альфредо *(Пристально смотрит на нее, с недоверием).* Вдруг придет?

Лючия. Э, ну случайно зайдет. Донна Розалия ведь не варила еще сегодня.

Альфредо. А тебе трудно сварить?

Лючия. А я умею?

Альфредо *(пренебрежительно)* И кофе - то сварить не можешь. А почему Розалия не приготовила?

Лючия. Ушла рано. Сказала, что донна Филумена просили отправить три срочных письма.

Альфредо *(подозрительно).* Донна Филумена? Три письма?

Лючия. Три: раз, два и три.

Альфредо *(ощущая сильную усталость).* Кому?

Лючия. Не знаю.

Альфредо. Я обязательно должен выпить глоток кофе. По Вот что, Лючи... подели пополам кофе, оставленный дону Доменико, и долей воды. В его чашку.

Лючия. А если он заметит?

Альфредо. Маловероятно, что он придет. Рычал как зверь... А если и заметит, я старше его, и мне кофе более необходим. Кто его заставлял бегать по городу?

Лючия. Ладно, сейчас разогрею и принесу. *(Идет к левой двери, но, видя входящую Розалию с правой стороны, останавливается, и предупреждает о ее приходе Альфредо.)* Донна Розалия! *(видя, что Альфредо молча смотрит на Розалию.)* Да, зачем это я шла? А, сейчас принесу кофе!

Альфредо. Вот хорошо, что ты пришла, Розалия! Свари свежего кофе для донна Доменико. Мне хоть полчашки бы выпить!

Лючия уходит, Розалия входит из прихожей и замечает Альфредо. Делает, однако, вид, что не видит его, и, погруженная в свои дела, идет в спальню донны Филумены. Альфредо, от которого не укрылось поведение Розалии, дает ей возможность дойти до порога спальни, а потом с иронией окликает ее.

Альфредо. Розали! Что с тобой?... Язык проглотила?

Розалия *(безразлично).* Не заметила тебя.

Альфредо. Не заметила? Что я вошь? *(Закашлялся.)*

Розалия. *(двусмысленно).* Да, ты вошь!.. С кашлем *(Иронически прокашливается.)*

Альфредо *(не поняв намека).* С кашлем? *(Пытаясь понять.)* Ты рано вышла сегодня из дому?

Розалия *(загадочно).* Да.

Альфредо. Где была?

Розалия. В церкви.

Альфредо (*не веря*). В церкви? А потом относил три письма донны Филумены...

Розалия (*словно застигнутая врасплох*). Знаешь, а спрашиваешь! Зачем?

Альфредо (*делая вид, что ему безразлично*). Так просто. А кому письма?

Розалия (*словно говоря: «Ты же не умеешь держать язык за зубами»*). Тебе ничего нельзя доверить – все разболтаешь! И вообще ты – шпион!

Альфредо. Что? Когда я шпионил за тобой?

Розалия. За мной? За мной нечего шпионить. Я чиста, как вода из родника. И дела мои известны... вот. Хочешь знать, садись. (*Речитативом повторяет, словно повторяла десятки раз и знает на память.*) Родилась в 1870 году. Из семьи бедных, но честных родителей.

Альфредо. Ты что, начала от Рождества Христова?

Розалия. Мать София Тромбетта была прачкой. Отец, Проконио Солимене, - кузнец. Розалия Солимене – это я – и Винченцо Бальоре, мастер по ремонту зонтиков, вступили в законный брак второго ноября 1887 года...

Альфредо День поминовения умерших?..

Розалия. С тобой забыли посоветоваться?

Альфредо (*развеселившись*). Нет. (*Побуждая ее продолжать*). Ну а дальше?

Розалия. После этого на свет появилось сразу трое близнецов. Акушерка, сообщив эту новость моему супругу, работавшему на соседней улице, увидела, как он нырнул головой в бак...

Альфредо. Освежиться?

Розалия (*с горечью повторяет фразу, чтобы дать понять неуместность шутки*) ...нырнул головой в бак. Внезапный удар преждевременно оборвал его жизнь. Так и жила я сиротой: ни отца, ни матери

Альфредо. И везет же тебе на троицу.

Розалия. ...с тремя малютками... Поселилась я в переулке Сан Либорио, в подвале дома номер восемьдесят, торговала мухоловками, детскими гробами и в праздники Пьедигротта бумажными колпаками. Мухоловки сама мастерила, но денег едва хватало, чтобы прокормить моих деток. В переулке я и познакомилась с донной Филуменой – она еще девочкой играла с моими тремя ребятами. Так прошел двадцать один год, а дети мои по-прежнему без работы. Ну и разъехались все. Один в Австралию, две – в Америку... Осталась одна-одинешенька. Одна – с мухоловками, колпаками. И если бы не донна Филумена – она взяла меня к себе, когда стала жить в доме донна Доменико, - пришлось бы мне стоять у церкви и просить милостыню! Спасибо за внимание, кино кончилось. До свиданья.

Альфредо (*смеется*). Но кому же ты отнесла три письма, нельзя ли узнать?

Розалия. Мне передоверили слишком деликатное вручение, и я не могу его передоверить. Иначе оно станет всеобщим вниманием.

Альфредо (*разочарованно, зло*). Ну и вредная ты! То-то тебя всю скрючило от злости. Уродина!

Розалия. (*сдержанно*). Не замуж мне выходить!

Альфредо (*забыв оскорбления, привычным доверительным тоном*). Пришей мне эту пуговицу.
(*Показывает место.*)

Розалия (*направляясь в спальню, примирительно*). Завтра, если будет время.

Альфредо. И тесемку на кальсоны!

Розалия. Тесьму купите – я пришью. (*У двери Филумены.*) (*С достоинством выходит в дверь налево.*) С вашего извинения.

Из глубины сцены выходит Лючия с чашкой, наполненной наполовину кофе. Слышен звонок у двери. Она, не дойдя до Альфредо, возвращается в прихожую. После паузы бледный, заспанный, в сопровождении Лючии появляется Доменико.

Доменико (*замечает кофе*). Это кофе?

Лючия (*бросив понимающий взгляд на Альфредо, который при появлении Доменико встал*). Да, синьор.

Доменико. Всю ночь мечтал о глотке кофе.

Лючия подает чашку Доменико. Тот почти залпом ее выпивает.

Альфредо (*помрачнев*). Я тоже.

Доменико (*Лючии*). Принеси и ему чашку. (*Садится за стол, закрыв лицо руками, погруженный в тяжелые размышления.*)

Лючия делает знаки Альфредо, стараясь дать ему понять, что оставшаяся половина кофе разбавлена водой.

Альфредо (*потеряв терпение, злобно*). Все равно, неси!

Лючия удаляется налево, в глубь сцены.

Доменико. Что случилось?

Альфредо (*улыбается через силу*). Заявила, что кофе остыл. Я сказал, чтобы все равно принесла.

Доменико. Подогреет и принесет. (*Снова задумывается.*) Был у адвоката.

Альфредо. А как же.

Доменико. Когда придет?

Альфредо. Как только освободится. В течение дня обязательно.

Входит Лючия. Несет чашку кофе. Подходит к Альфредо, подает ему чашку, иронически смотрит на него и, развеселившись, удаляется. Альфредо, обескураженный, начинает пить.

Доменико. (*весь в мыслях, сочувствующе*). Плохо...

Альфредо (*думая, что Доменико имеет в виду кофе, покорно*) Ничего не поделаешь, дон Думми. Не могу пить. Выпью снова в баре.

Доменико *(сбитый с толку)*. Что?

Альфредо *(убежденный)*. Кофе!

Доменико. Какое мне дело до кофе, Альфредо. Плохо, говорю... Я имею виду, что адвокат объявит – ничего нельзя сделать...

Альфредо *(выпив глоток кофе, сморщившись от отвращения)*. Нет, просто невозможно... *(идет и ставит чашку на один из столиков в глубине сцены)*.

Доменико. Что ты понимаешь?

Альфредо *(с видом знатока)*. Как? Да это же настоящая гадость!

Доменико Браво: гадость! Именно так. Она поступила безобразно. Не могла сделать...

Альфредо. Дон Думми, а когда она умела хорошо это делать?

Доменико. Я обращусь в суд, в апелляционный суд, наконец, в верховный суд!

Альфредо *(ошеломлен)*. Дон Думми, ради мадонны! Из-за глотка-то кофе?

Доменико. Да что ты пристал с этим кофе? Я говорю о своем деле.

Альфредо *(еще не совсем поняв, неопределенно)*. Ну, да... *(До него доходит смысл совпадения.)*

Ха... *(Смеется)* Ха-ха... *(потом, испугавшись гнева дона Доменико, с готовностью разделяет угнетенное душевное состояние своего хозяина.)* А...э... , господи!

Доменико *(от которого не укрылась душевная метаморфоза собеседника, смягчается и покорно воспринимает непонимание Альфредо)*. Зачем я говорю с тобой о делах? О чем можно говорить с тобой? Только о прошлом... Разве можно говорить с тобой о настоящем?... *(Смотрит на него, словно впервые увидел. В голосе появляются ноты утешения.)* Посмотри на себя Альфредо Аморозо, до чего ты дошел! Только вспомни - Альфредо Аморозо. Щеки обвисли, волосы побелели, глаза потускнели... наполовину впал в детство...

Альфредо *(выслушивает все, даже не осмеливается возражать хозяину, словно покоряясь какой-то неизбежностью)*. Э-э господи!

Доменико *(вспоминая, что и сам уже не молод)*. Годы идут, время бежит для всех одинаково... Ты помнишь Мими Сориано, дон Мими, ты не забыл его, а?

Альфредо *(задумываясь, делает вид, что заинтересован)* Нет, синьор, разве он умер?

Доменико *(с горечью)*. Умер, именно умер. Дон Мими Сориано умер!

Альфредо *(на лету схватывает суть дела)*. А... вы это про себя *(серьезно)*. Но... господи!

Доменико *(словно вновь видит себя молодым)*. Черные усы! Стройный как тростник! Ночь превращал в ясный день... Разве я давал кому-нибудь спать?

Альфредо *(зевая)*. Вы это мне говорите?

Доменико Ты помнишь ту девчонку с Канемонте? Прелесть девчонка: какое имя...

Альфредо. Джозефина

Доменико. Нет! Джеммина! «Убежим», - шептала она. Как сейчас слышу ее голос. А жена ветеринара? Мария...

Альфредо. Да... Да... А-а, да зачем вы мне о ней напоминаете? У нее жила свояченица, работала в парикмахерской. Начал было ухаживать, да характерами не сошлись...

Доменико. Помнишь, какие у меня были рысаки, как я выезжал на них в парк?

Альфредо. Вы были красавец хоть куда!

Доменико. Одевался только в серый и светло-каштановый цвет. Мои излюбленные цвета. На голове цилиндр, в руках хлыст... Лучшие кони – мои. Помнишь «Серебряные очи»?

Альфредо. Зачем вы напоминаете... Господи! «Серебряные очи», пегой масти?...*(с грустью.)* Великая лошадь! Круп у нее был... Когда я смотрел в лицо ее зада, мне казалось, что это полная луна. Я был влюблен в эту лошадь! Наверное, поэтому и разошелся с парикмахершей. И когда вы продали ее, Альфредо Аморозо было очень больно.

Доменико. *(погружаясь в воспоминания)*. Париж, Лондон, Буэнос-Айрос... скачки... Я чувствовал себя господином вселенной! Чувствовал, что могу сделать все, что хочу: для меня не существовало никаких правил, ограничений... *(горячась.)* Я был хозяином гор, морей, моей собственной жизни... Никто, никогда, даже сам господь бог, не мог столкнуть меня с моего места в мире. А теперь? Я чувствую себя конченным, нет воли, нет энергии! И то, что делаю, я делаю только для того, чтобы убедить себя самого: я – еще сильный, могу побеждать людей, жизнь, смерть... Однако я делаю все это так хорошо, что начинаю сам верить... и я боюсь... *(решительно.)* Я должен бороться! Не согнулся еще Доменико Сориано, нет... *(Вновь обретаёт свой решительный тон.)* Что здесь было? Ничего не узнал?

Альфредо *(уклончиво)*. Э... «Ничего не узнал?» Здесь со мной играют в молчанку. Донна Филумена, вы это знаете, не переносит меня. Хотел было узнать, куда ходила Розалия... Если верить Лючии, да и Розалия сама подтвердила, она относала три срочных письма донны Филумены.

Доменико *(размышляя. Уверен в своих предположениях)*. Кому?

Альфредо пытается что-то ответить, но видит входящую из левой двери Филумену.

Филумена *(ее домашнее платье несколько в беспорядке. Идет в сопровождении Розалии, которая несет простыни. Делает вид, что никакого не замечает, кричит в сторону коридора)*.

Лючия... *(Розалии.)* Дай ключи .

Розалия *(протягивает ключи)*. Вот!

Филумена *(кладет в карман. Нетерпеливо, имея в виду Лючию)*. Если придет эта... *(Зовет ее более решительным тоном.)* Лючия!

Слева из глубины сцены появляется озабоченная Лючия.

Лючия. Что случилось, синьора?

Филумена *(обрезая)*. Возьми эти простыни.

Розалия отдает Лючии белье.

В столовой рядом с кабинетом стоит оттоманка, постели там постель.

Лючия (*несколько удивлена*). Хорошо. (*Собирается уходить*).

Филумена (*останавливая ее*). Постой. Мне понадобится твоя комната.

У Лючии мгновенно меняется настроение.

Вот чистые простыни, постели себе на кухне.

Лючия (*недовольно*). А мои вещи? Вещи тоже перенести?

Филумена. Я сказала тебе, что мне понадобится твоя комната!

Лючия (*повышая голос*). А куда я сложу свои вещи?

Филумена. В шкаф в коридоре.

Лючия. Ладно. (*Уходит через сцену налево*).

Розалия. С вашего извинения.

Филумена (*делая вид, что только сейчас заметила Доменико*). А, ты здесь?

Доменико. Да, ночевал на улице... (*Холодно*). Можно спросить, что значат эти переселения в моем доме?

Филумена. Почему же нет? Конечно, ты должен знать. Какие могут быть секреты между мужем и женой? Мне нужны еще две спальни.

Доменико. Для кого?

Филумена (*категорически*). Для моих детей. Их трое, но один женился. У него четверо детей, и он будет жить у себя.

Доменико. Может быть здесь поселятся и внуки?.. (*Вызывающе*). Как же зовется весь этот сброд, который ты скрывала от меня?

Филумена (*уверенная в себе*). Отныне они будут носить твою фамилию.

Доменико. Без моего согласия, думаю, не удастся!

Филумена. Ты будешь согласен, Думми... Ты дашь свое согласие! (*Выходит в левую дверь*.)

Розалия (*к Доменико, с показным чувством уважения*). С вашего извинения... (*Следует за Филуменой*.)

Доменико (*не выдерживает и кричит в сторону ушедшей Филумены*). Я выгоню их! Поняла? Выгоню!

Филумена (*из комнаты, с иронией*). Закройте дверь, Розали.

Дверь закрывается перед носом Доменико. Входит Лючия.

Лючия (*осторожно, к Доменико*). Синьор, на улице ожидают синьорина Диана и с ней незнакомый синьор.

Доменико (*заинтересовано*). Пусть войдут.

Лючия. Она не хочет входить. Пусть выйдет сам синьор, говорит. Бояться донны Филумены.

Доменико (*в отчаянии*). Полнобуйтесь-ка, о господи! Я впустил в дом бандитку! Скажи, пусть войдут – я здесь.

Лючия уходит.

Альфредо. Если она увидит ее...*(сопровождая слова жестом, означающим «она ей задаст»)*
изобьет...

Доменико *(кричит так, чтобы его можно было услышать за закрытой дверью спальни, желая предупредить скандал)*. Изобьет ее, Альфре?! Поговорим-ка серьезно. Я здесь – хозяин! Она – пустое место! Сейчас вы все убедитесь в этом!

Возвращается Лючия.

Лючия. Синьор, она не хочет входить... Говорит, что не отвечает за свои нервы.

Доменико. А кто с ней?

Лючия. Какой-то синьор. Она называет его адвокатом. *(Доверительно.)* Мне кажется, и он боится...

Доменико. Как?.. Нас трое мужчин...

Альфредо *(искренне)*. Я не в счет... На меня не рассчитывайте.. Вы сами поговорите... А я пойду на кухню, умоюсь. Если нужен буду, позовите... *(не ожидая ответа, идет вглубь сцены налево.)*

Лючия. Синьор, что я должна делать?

Доменико. Я сам пойду!

Лючия уходит вглубь сцены налево. Доменико удаляется вглубь сцены направо и сразу возвращается с Дианой и адвокатом Ночеллой.

Доменико. Даже и в шутку не говорите этого! Это мой дом!

Диана *(останавливается на пороге, спиной к адвокату, охваченная явным волнением)*. Нет, дорогой Доменико, после вчерашней сцены я абсолютно не желаю очутиться лицом к лицу с этой женщиной.

Доменико *(успокаивая ее)*. Но я вас прошу, Диана, вы меня обижаете. Тебе нечего бояться.

Диана. Бояться? Я? Никогда! Но я не хочу доходить до крайностей.

Доменико. Не волнуйтесь. Я с вами.

Диана. Вы и вчера вечером были здесь.

Доменико. Да, но все произошло так неожиданно... Я уверяю, вам нечего бояться. Входите, синьор адвокат, садитесь.

Диана *(сделав несколько шагов, имея в виду Филумену)*. Где она?

Доменико. Я повторяю: не беспокойтесь. Садитесь. *(Придвигает стулья)*.

Втроем садятся за стол: Ночелла в середине, Доменико справа, Диана слева. Диана не спускает глаз со спальни.

Итак? Слушаю вас.

Ночелла, человек лет сорока, обыкновенный, ничем не примечательный. В его одежде заметна некоторая элегантность. В голое равнодушие. Его привела сюда Диана.

Ночелла. Я живу в пансионе, где останавливалась синьорина. Мы недавно познакомились.

Диана. Адвокат может подтвердить, кто я и какой образ жизни веду.

Ночелла (*не желая вмешиваться*). Мы познакомилась вечером за ужином. Я в пансионе бываю редко... Знаете, суд, клиенты... Обычно меня не интересуют жильцы...

Диана (*испуганно посмотрев еще раз на дверь спальни Филумены, откуда та с минуты на минуту может появиться*). Прости, Доменико... Я лучше сяду на твое место. Тебя не затруднит?

Доменико. Как вам будет угодно...

Меняются местами.

Диана (*возобновляя прерванный разговор, начатый Ночеллой*). И именно вчера за ужином я рассказывала ему о вас с Филуменой.

Ночелла. Да-да... мы долго смеялись...

Значительный взгляд Доменико.

Диана. О нет, нет. Я совсем не смеялась.

Ночелла понимающе смотрит на нее.

Доменико. Синьорина была здесь, и поэтому я просил ее притвориться медицинской сестрой.

Диана. Притвориться? Я и во сне не притворяюсь! Я и в самом деле медицинская сестра: у меня есть диплом! Разве я вам не говорила об этом, Доменико?

Доменико (*застыгнутый врасплох*). Нет, по правде не говорили.

Диана. Да, действительно, почему я должна была говорить вам это?... (*Продолжая прерванный разговор.*) Так вот. Я описала ваше душевное состояние и боязнь остаться связанным на всю жизнь с нелюбимой женщиной. Адвокат убедительно объяснил мне, что...

Звонок у входа.

Доменико (*озабоченно*). Извините, не лучше ли пройти в кабинет? Кто-то звонил...

Лючия пересекает сцену и идет в правую дверь.

Диана (*вставая*). Да, наверное, лучше.

Ночелла также встает.

Доменико (*показывая на «кабинет»*). Пожалуйста.

Ночелла. Спасибо. (*И первый проходит*).

Доменико. Есть новости?

Диана (*к Доменико, доверительно*). Послушай...

Доменико теряет терпение.

Ты бледен...

Говоря это, Диана ласково гладит его по щеке и проходит в «кабинет». Доменико, озабоченный, следует за ней. Появляются Лючия и Умберто.

Лючия (*вводя Умберто*). Пожалуйста.

Умберто – высокий, хорошо сложенный юноша. Одет скромно, но с достоинством. Страсно любит учиться. Его манера говорить, быстрый наблюдательный взгляд производят внушительное впечатление.

Умберто *(входя)*. Спасибо.

Лючия. Если желаете, присядьте... Не знаю, сразу ли выйдет донна Филумена.

Умберто. Спасибо, я охотно присяду. *(Садится слева, рядом с террасой. Начинает писать что-то в тетради, которую принес с собой.)*

Лючия идет влево, но, услышав звонок у входной двери, возвращается и выходит в прямую дверь. После короткой паузы возвращается с Риккардо.

Лючия. Входите.

Риккардо *(симпатичный юноша, элегантно одетый. Войдя, смотрит на свои ручные часы)*.

Девушка, одну минутку...

Лючия идет к двери, Риккардо украдкой оглядывается на нее и останавливается.

Послушай-ка.

Лючия подходит к нему.

Ты давно здесь?

Лючия. Полтора года.

Риккардо *(изображая галантность)*. А знаешь, ты прелестна, голубка.

Лючия *(польщенная)*. Не заплесневеть бы от времени...

Риккардо. Заходи ко мне в магазин...

Лючия. У вас магазин?

Риккардо. Дом семьдесят четыре, на улице Кьяйя, за воротами... Подарю тебе блузку.

Лючия. Правда? Вы ж мужскими рубашками торгуете! Уходите-ка лучше!

Риккардо. Э, э! Я обслуживаю как мужчин, так и женщин... На мужчин я надеваю сорочку, а с женщин, вот с таких, как ты... я снимаю! *(Говоря это, он хочет обнять девушку.)*

Лючия *(обиженная, вырывается)*. Ну-ну! *(Ей удается освободиться)*. Вы свихнулись? За кого вы меня принимаете? Вот скажу синьоре. *(Кивая на Умберто, который наблюдал всю эту сцену безучастно.)* Обнимите-ка лучше его...

Звонок.

Риккардо *(наблюдая за Умберто, развеселившись)*. Действительно, сидит... А я и не заметил.

Лючия *(с обидой)*. Вы, вероятно, не встречали порядочных девушек... *(Собирается уходить)*.

Риккардо *(внушительно)*. Придешь в магазин?

Лючия *(сдержанно)*. Дом семьдесят четыре? *(Смотрит с восхищением на юношу, улыбается.)*

Риккардо *(кивает, словно говоря «буду ждать»)*. На Кьяйя...

Лючия. Гм..., приду! *(Выходит в правую дверь, метнув последнюю понимающую улыбку.)*

Риккардо *(ходит некоторое время по комнате, смотрит на Умберто и, заметив его пристальный взгляд, чувствует потребность оправдаться в своем поведении по отношению к Лючии)*. Она хорошенькая...

Умберто. А мне-то что? Какое мне дело?

Риккардо (*немного задетый*). Это почему же? Вы что, священник?

Умберто не отвечает, продолжает писать.

Лючия из глубины сцены вводит Микеле.

Лючия. Входите, Мике, вот сюда.

Микеле в спецодежде синего цвета. В руках сумка с инструментами. Двигается просто.

Это – молодой человек хорошего здоровья, цветущий, располневший. Характер у него простой и веселый.

Микеле (*снимает кепку*). Лючи, что случилось? Опять в ванной течет? Я же запаял...

Лючия. Нет, все в порядке.

Микеле. Что у вас протекает?

Лючия. У меня ничего не протекает. Подожди, я позову донну Филумену. (*Уходит налево*).

Микеле. Пожалуйста. (*Здоровается с почтением с Риккардо.*)

Риккардо отвечает на приветствие легким кивком.

Меня мастерская ждет... (*Достает из кармана окурок.*) Есть спички?

Риккардо (*гордо*). Не держу.

Микеле. Так закурите. (*Пауза*). Вы – их родственник?

Риккардо. А вы – прокурор?

Микеле. Как это?

Риккардо. Вы обладаете даром слова, я – нет.

Микеле. Да, но вежливостью, хоть и небольшой, вы должны обладать. Вы что, господь бог?

Умберто (*вмешиваясь в разговор*). Какой там господь бог... просто невежа.

Риккардо. Что?

Умберто. Извините. Вы вошли сюда и сразу пристали к служанке, забыв, что это чужой дом.

Увидели меня – никакого внимания... А теперь начинаете издеваться над этим беднягой...

Микеле (*обиженно, к Умберто*). Беднягой? Что ж, по-твоему, он напал на человека, который даст себя в обиду? Помилуй бог... Каждый выходит из дома по своим делам... (*К Риккардо*).

Счастье ваше, что мы в чужом доме...

Риккардо. А не кажется тебе, что ты уже надоел мне? Я вздую тебя сейчас, прямо здесь.

Микеле (*становится бледным от гнева. Бросает на пол сумку с инструментом и медленно направляется к Риккардо с угрожающим видом.*) Ну-ка, посмотрим.

Риккардо (*идет навстречу ему, внешне спокоен*). Хорошо... Думаешь, я испугался?

Умберто подошел к обоим, готовый вмешаться и предупредить начало драки.

Микеле (*в бешенстве*). Ты, ты... (*Пытается ударить Риккардо, но Умберто отводит удар. К Умберто.*) Отойди, ты...

Начинается драка между Микеле и Риккардо, в которую вмешивается Умберто. Мелькают ноги и руки. Трое молодых людей все более ожесточаются, бормоча сквозь зубы слова гнева и обиды.

Слева входит Филумена.

Филумена (*решительно прерывает драку*). Что здесь стряслось?

Розалия, войдя с Филуменой, остановилась позади нее. Трое молодых людей при голосе Филумены прекращают драку, принимая равнодушный вид.

О чем вы думаете? Вы где, на улице?

Умберто (*дотронувшись до разбитого носа*). Я разнимал.

Риккардо. Я тоже.

Микеле. И я.

Филумена. А кто же дрался?

Все трое (в один голос). Я не...

Филумена. Безобразия! Друг против друга! (*Пауза. Успокаивается.*) Так вот что, ребята... (*Не знает, как начать*). Дела как идут?

Микеле. Благодаря тебе!

Филумена (*к Микеле*). Дети здоровы?

Микеле. Здоровы. На прошлой неделе у среднего была небольшая температура. Сейчас здоров. Съел тайком от матери два кило винограду, меня дома не было. Живот надулся, как барабан. Вы же знаете, четверо детей... То один, то другой, всегда что-нибудь да случится. К счастью, касторку все четверо любят. Когда у одного понос, остальные переворачивают дом вверх ногами. Не успокоятся, пока всем не дашь касторки. Тогда выстраиваются ряд с горшками... Дети...

Умберто. Синьора, я получил ваше письмо. Ваше имя *sic et simpliciter* мне ничего не говорит. К счастью, на конверте был адрес, и я вспомнил, что именно вас, донну Филумену, встречаю почти каждый вечер, когда иду в редакцию. И однажды даже имел удовольствие проводить вас как раз по этому адресу... Кажется, у вас болела нога.

Филумена. Ну да, у меня болела нога.

Умберто. Таким образом, я восстановил в памяти...

Риккардо (*более откровенно*). В чем дело?

Филумена (*к Риккардо*). Магазины в порядке?

Риккардо. А почему бы и нет? Конечно, если бы все мои покупатели были так же придирчивы как вы, магазин пришлось бы закрыть через месяц. Когда вы заходите ко мне, у меня здорово портится настроение. Все товары перевернете: это не то, то не это... Призадумаетесь... После вас хоть рабочих зови, чтобы привести все в порядок.

Филумена (*по-матерински*). Хорошо, больше у тебя не будет неприятностей из-за меня.

Риккардо. Причем здесь неприятности! Вы – покупатель. Но у меня рубашка становится мокрая от пота, после того как наконец наведу порядок после вас.

Филумена (*почти развеселившись*) Ну так вот! Я позвала вас по серьезному делу. Может быть, пройдем туда? (*указывает на первую комнату налево.*) Там спокойнее.

Доменико выходит из «кабинета» в сопровождении адвоката Ночеллы. Он принял свой обычный тон человека, уверенного в себе.

Доменико (*снисходительно*). Не стоит, Филуме, не надо все еще больше усложнять... (*Адвокату.*) Я хотя не адвокат, а знал это еще до вас. Все совершенно ясно было.

Филумена смотрит на него нерешительно.

И так, вот адвокат Ночелла. Он тебе все разъяснит. (*Трем молодым людям*) Синьора допустила ошибку, она напрасно вас потревожила. Можете идти, мы вас больше не задерживаем.

Филумена (*останавливая молодых людей, которые уже было направились к двери*). Одну минуту... Я не ошиблась. Это я их позвала. Причем здесь ты?

Доменико (*вызывающе*). Будем говорить при всех?

Филумена (*поняла, что произошло нечто серьезное, изменившее ход событий. Спокойный тон Доменико подтвердил ее догадку*). Извините, я вернусь через пять минут.... Может быть, вы подождете там?

Умберто и Микеле в замешательстве направляются на террасу.

Риккардо (*Посмотрев на часы*). Послушайте! Но мне кажется, что здесь злоупотребляют чужой вежливостью! У меня дела ...

Филумена (*теряя спокойствие*). Эй, я же сказала тебе, что дело серьезное. (*Обращается с ним как с мальчишкой, не допуская возражений*). Иди на террасу. Другие ждут и ты обождешь!

Риккардо (*Обескуражен решительным тоном Филумены*). Хорошо! (*нехотя идет за остальными*).

Филумена (*Розалии*). Поддай им кофе.

Розалия. Сию секунду (*Молодым людям.*) Идите, идите. Обождите там. (*Указывает на террасу*). А я принесу вам по чашке чудесного кофе! (*Уходит налево, в то время как молодые люди уходят на террасу*).

Филумена (*к Доменико*). Ну, так в чем дело?

Доменико (*безразлично*). Здесь адвокат, вот он... Поговори с ним.

Филумена (*Теряет терпение*). Я с законами дружбу не веду. Но это не важно, в чем дело?

Ночелла. Вот что, синьора... Но я повторяю, что в этом деле я ни причем.

Филумена. Зачем же вы тогда пришли сюда?

Ночелла. Вот-вот, я ни причем здесь в том смысле, что живущий в этом доме синьор не является моим клиентом. Он и не приглашал меня.

Филумена. Как же вы очутились здесь?

Ночелла. Нет, вы не понимаете...

Филумена (*Иронически.*) Вас послали?

Ночелла. Нет, синьора. Никто меня не посылал...

Доменико (*Филумена.*) Ты дашь ему говорить?

Ночелла. Об этом деле мне рассказала синьорина... (*оглядывается и, не видя Дианы, смотрит по направлению «кабинета».*) Где же она?

Доменико (*теряя терпение, стремится вернуться к существу.*) Адвокат, я... Она... Не важно, кто рассказал, какое это имеет значение. Переходите к делу.

Филумена (*имея в виду Диану, с ожесточенным сарказмом, но вопросительно*) Где же она, там? Смелости не хватает показаться. Продолжайте, адвокат.

Ночелла. Дело, о котором мне рассказала синьорина... синьор... свершившийся факт... таким образом... подходит под статью сто первую. Я выписал ее. (*Достает из кармана лист бумага, показывает.*) Статья сто первая «Совершение бракосочетания в момент, когда одна из сторон находится при смерти». Гласит: «в случае опасности для жизни одной из сторон... и т.д...» перечисляются все случаи. Но опасности для жизни не было, по сколько все это, по словам синьора, было фикцией.

Доменико (*с готовностью.*) У меня есть свидетели: Альфредо, Лючия, привратник, Розалия...

Филумена. Медсестра...

Доменико. Да, медсестра! Все знают! Как только падре ушел, она вскочила с постели... (*показывает на Филумену*) и заявила: «Мимми, мы теперь муж и жена!»

Ночелла (*Филумене.*) В таком случае более подходит статья сто двадцать вторая «Насилие и обман». (*Читает*) «Брак может быть расторгнут тем из супругов, чье согласие было получено в результате насилия и обмана». Поскольку согласия на бракосочетания было получено в подобных обстоятельствах, то на основании статьи сто двадцать второй брак считается недействительным.

Филумена (*откровенно.*) Ничего не поняла!

Доменико (*убежденный, что правильно толкует статью кодекса и желая окончательно нанести поражение.*) Я женился на тебе потому, что ты должна была умереть.

Ночелла. Нет, не так. Бракосочетание не может быть оговорено никакими условиями. Имеется статья... Я сейчас не помню номер... Одним словом, там говорится: «Если одна из сторон будет возражать против вступления в брак, или выдвинет предварительные условия, то ни официальное лицо, ни священник ни имеют право совершать бракосочетание».

Доменико. Вы сказали, что опасности для жизни не было...

Филумена (*грубо.*) Замолчи, ты сам ничего не понял. Адвокат, объясните-ка попроще.

Ночелла (*протягивая бумагу Филумене.*) Вот статья из кодекса. Прочтите сами.

Филумена. (*рвет, даже не прочитав.*) Я не умею читать, и никаких бумаг мне не надо!

Ночелла (*обиженно*). Синьора, поскольку вы не были при смерти, брак расторгается, он недействителен.

Филумена. А священник?

Ночелла. Он скажет то же самое. Больше того, он заявит, что вы оскорбили его духовное звание. Нет, брак недействителен.

Филумена (*бледнеет*). Недействителен? Я должна была умереть?

Ночелла. (*с готовностью*). Вот именно.

Филумена. Если бы я умерла...

Ночелла. Тогда брак считался бы действительным.

Филумена (*показывая на Доменико, который остался безучастным*). А он мог бы жениться снова, мог иметь детей...

Ночелла. Увы, да, но только в положении вдовца. И эта другая женщина, вероятно, вышла бы замуж за вдовца покойной синьорины Сориано.

Доменико (*имея в виду Филумену*). Она стала бы синьорой Сориано?... Покойница!

Филумена (*не обращая внимания на его слова, с иронией, но горько*). Приятное утешение! Я потратила двадцать пять лет, чтобы создать семью, а закон против этого! И это справедливость?!

Ночелла. Но закон, несмотря на свою гуманность, не может защищать ваши интересы. Он не может стать вашим соучастником в преступлении, которое совершается по отношению к третьему лицу. Доменико Сориано не имел намерения вступить с вами в брак.

Доменико. Ты должна понять это. Если сомневаешься, спроси у адвоката, которому ты доверяешь.

Филумена. Не надо, я верю. Но не потому, что ты говоришь это. Ты больше всех заинтересован... И не потому, что это говорит адвокат, которого я вижу в первый раз... Но достаточно посмотреть на тебя. Думаешь, я плохо тебя знаю? Вон, ты снова смотришь хозяином. Успокойся... Если бы все это было ложью, вряд ли бы ты смотрел мне в глаза, уткнулся бы в землю. Лгать ты никогда не умел. Это правда...

Доменико. Продолжайте адвокат.

Ночелла. Если вы мне доверите это дело...

Филумена (*на мгновение задумывается. Голос ее изменился, она волнуется, вскипает*). Так знай! (*К Доменико.*) И я тоже, я тоже не хочу быть твоей женой! (*К Ночелле.*) Продолжайте, адвокат. Да, не правда, что я была при смерти. Мне захотелось смошенничать! Я хотела украсть у него фамилию, я не знаю законов, но у меня есть свой. Этот закон велит смеяться, а не плакать! (*Кричит в сторону террасы.*) Идите! Идите все сюда!

Доменико. (*примирительно*). Прекрати это?

Филумена (*разъяренно*). Помолчи!

С террасы вновь появляются три молодых человека. Им немного не по себе, делают несколько шагов по комнате. Из глубины одновременно входит Розалия с подносом, на котором стоят три чашки кофе. Она понимает деликатность момента и, молча поставив поднос на столик, подходит к Филумене.

(Сыновьям, откровенно.) Мальчики, вы уже взрослые люди! Выслушайте меня. *(Показывая на Доменико и Ночеллу.)* Там люди. Там мир. Мир, который имеет свои законы и права. Мир, который защищается бумагами и чернилами. Там – Доменико Сориано и адвокат. Здесь я, Филумена Мартурано, у которой есть только один закон – не плакать. Люди, Доменико Сориано всегда твердил мне: «Видел ли кто-нибудь хоть раз слезы в этих глазах?» Я не плачу... Смотрите! У меня сухие глаза. *(устремив глаза на молодых людей)* Вы мои сыновья!

Доменико. Филуме!

Филумена *(решительно)*. Кто ты такой, чтобы запретить мне сказать моим сыновьям, что они мои сыновья, а? *(Ночелле)* Адвокат, законы этой земли разрешает это или нет?... *(Более угрожающе, чем взволновано)* Вы – мои сыновья! Я - Филумена Мартурано, обо мне больше нечего сказать. Вы взрослые и наверное слышали обо мне.

Все трое стоят словно окаменевшие – Умберто с бледным лицом, Риккардо опустил глаза вниз, словно от стыда, Микеле растроган, на его лице удивление и волнение.

(Скороговоркой) Сейчас мне нечего говорить о себе! Но я могу всем рассказать, как я жила до семнадцати лет *(Пауза.)* Адвокат, известны вам трущобы... *(отчеканивая)* эти подвалы... на Сан Джованьелло, на Вирджинии, Форчелле, Трибунале, Паллунетто! Мрачные, полные копоты, набитые битком людьми. Летом там нечем дышать от жары, зимой зубы стучат от холода... даже в полдень туда не проникает дневной свет... Может быть я говорю бессвязно, извините... Сколько народу ютится там! Дышать нечем, но все ж лучше духота, чем холод. Вот в одном из таких подвалов в переулке Сан Либорио я и жила вместе с семьей. Сколько нас там было! Целая толпа! Что было с моей семьей, что потом с ней случилось, я не знаю... И не хочу знать. Не помню!... Друг на друга не смотрят... Эти просящие глаза, постоянные драки... Ложились спать, не говорили «Доброй ночи!». А просыпались – никто не говорил друг другу «Доброе утро!». Помню только одно ласковое слово, которое сказал мне отец... Вспоминая об этом теперь, и меня охватывает дрожь... Мне было тринадцать лет. «Ты большая, - сказал он, - а нам нечего есть. Понимаешь?». А духота какая... Ночью закрывали дверь и нечем было дышать. Вечером садились за стол... Одна большая тарелка и куча вилок. Может быть, мне и казалось, но каждый раз, когда я брала на вилку кусок, я чувствовала взгляд. Будто я воровала!... Мне исполнилось семнадцать... Я смотрела на проходивших девушек, на них были красивые платья, туфли... Они шли под руку с женихами. Однажды вечером я встретила подругу и даже не узнала ее – так хорошо она была одета. Тогда я

думала, что в этом – высшее счастье... Она сказала мне. (*Говорит по слогам.*) «Так... так... и так...». Я не спала всю ночь... А духота... духота... И я познакомилась с тобой!

Доменико вздрагивает.

Там, ты помнишь?.. Тот «дом» оказался мне королевским дворцом... Ночью возвращалась в переулок Сан Либорио, сердце бешено стучало. Я думала: «Теперь никто не посмотрит на меня, - выгонят из дома!» Но никто ничего не сказал: наоборот, кто-то пододвинул стул, кто-то произнес ласковое слово... На меня смотрели как на старшую, с уважением... Только у мамы, когда она поздоровалась, я заметила в глазах слезы... Больше я домой не возвращалась! (*Почти кричит.*) Я не убила моих детей! Семья... моя семья! Двадцать пять лет я думаю только об этом! (*Сыновьям.*) Я вырастила вас, сделала вас людьми, обкрадывала его (показывает на Доменико), чтобы воспитать вас! Семья, моя семья! Микеле – сын мой, Умберто – сын мой, Риккардо – сын мой.

Микеле (*взволнованный, подходит к матери*). Все хорошо, хватит уже! (Все больше волнуется.)

Ты сделала больше, чем могла.

Умберто (*серьезно, подходит к матери*). Хотелось бы сказать многое, но сейчас мне трудно говорить. Я напишу все в письме.

Филумена. Я не умею читать.

Умберто. Я сам прочту.

(Пауза.)

Филумена (*смотрит на Риккардо, ожидая, что тот подойдет к ней. Но он, не сказав ни слова, выходит*). А, ушел...

Умберто (*понимающе*). Характер! Не понял. Завтра я пойду к нему в магазин и поговорю.

Микеле (*Филумене*). Вы можете жить у меня. Правда, дом маленький, но места всем хватит. Ведь еще есть терраска. (*С искренней радостью*). А ребята-то все время спрашивают: «Где бабушка... бабушка где?...» И я молол всякую чепуху... Вот будет новость. Войду и скажу: «Бабушка приехала!» (*Словно говоря - вот она*) Ну и праздник будет! (*Приглашает Филумену.*) Идемте.

Филумена (*решительно*). Хорошо, пойду к тебе.

Микеле. Идемте.

Филомена. Одну минуту. Подожди меня внизу у подъезда. (*К Умберто.*) Ступайте вместе. Я спущусь через десять минут. Надо сказать еще кое-что дону Доменико.

Микеле (*счастливым*). Только побыстрее. (*К Умберто.*) Вы идете?

Умберто. Да, иду. Я провожу тебя.

Микеле (*все еще весело*). До свиданья, синьоры. (*Идет в глубь сцены.*) Я чувствовал что-то... Поэтому хотел поговорить... (*Уходит с Умберто.*)

Филумена. Адвокат, я хочу, чтобы вы были здесь после моего разговора с доном Доменико..

Извините, несколько минут... *(Указывает на «кабинет»)*.

Ночелла. Мне надо уходить.

Филумена. Я прощу вас.

Ночелла нехотя идет в «кабинет». Розалия, не сказав ни слова, выходит в первую дверь налево.

(Положив ключ на стол.) Я уйду, Думми. Скажи адвокату, чтобы он все оформил по закону. Я во всем призналась, ты свободен.

Доменико. Я думаю! Выкачала кругленькую сумму! Не тебе устраивать истории...

Филумена *(спокойно)*. Завтра пришло за вещами.

Доменико *(несколько смущен)*. Ты, сумасшедшая. Смутила покой трем бедным юношам. Кто тебя просил рассказывать? Зачем ты сделала это?

Филумена *(холодно)*. Потому-что один из них – твой сын!

Доменико *(застывает, пристально взглядываясь в Филумену, ошеломленный этим известием.*

После паузы, стремится протестовать всем своим существом). Кто тебе поверит?

Филумена. Один из трех – твой!

Доменико *(не осмеливаясь кричать, тяжело)*. Замолчи!

Филумена. Я могла сказать – все трое твои дети, и ты поверил бы... Я заставила бы тебя поверить!

Но это не так. Могла ли я сказать тебе об этом раньше? Нет, ты возненавидел бы двух остальных... А я хотела, чтобы они были равны.

Доменико. Это ложь!

Филумена. Нет, Думми, это правда! Это правда. Ты сейчас не помнишь. Твои поездки... Лондон...

Париж... скачки, женщины... В один из многих вечеров когда ты был со мной и дал мне, как обычно, сто лир, в этот вечер ты сказал: «Филуме, сделаем вид, что мы по-настоящему любим друг друга», - и погасил свет. В тот вечер я действительно тебя любила. Ты – же нет. Ты делал вид, что любишь. Когда снова зажегся свет, я записала на 100 лирах день, месяц и год. Мне всегда везло в лотереях, я умею хорошо угадывать числа. Потом ты уехал, и я ждала тебя как святая!.. Но ты забыл о том вечере... И я тебе ничего не сказала... Говорила, что живу по-прежнему, ничего нового... И вправду, когда я увидела, что ты ничего не понял, решила оставить все, как было.

Доменико *(безапелляционным тоном, чтобы скрыть свое волнение)*. Кто он?

Филумена *(решительно)*. Э... нет. Этого я не скажу. Они равны все трое...

Доменико *(несколько колебавшись, словно подчиняясь порыву)*. Это ложь... Этого не может быть! Ты раньше бы мне сказала, чтобы привязать к себе, удержать в своих руках... Единственное средство для этого – ребенок... И ты, Филумена Мартурано, сразу бы воспользовалась этим.

Филумена. Ты заставил бы меня убить его ... Ведь ты тогда так думал... Да и теперь тоже! Ты не изменился! Не один, а сто раз ты заставлял бы меня убить ребенка! Я боялась тебе сказать. И это – только моя заслуга, что твой сын жив сейчас.

Доменико. Кто он?

Филумена. Они все равны, все равны!

Доменико *(в отчаянии, зло)*. Да, они равны! Они твои сыновья. Я не желаю их видеть! Я не знаю их... я не знаю их! Уходи отсюда!

Филумена. Помнишь, вчера я сказала: «Не клянись, умрешь проклятым, если не придешь ко мне однажды за милостыней». Вот почему я сказала так. Прощай, Думми, но запомни: если мои дети узнают, что ты отец одного из них... я убью тебя! Это – не простая угроза вроде тех, которые ты слышал на протяжении двадцати пяти лет... Это говорит тебе Филумена Мартурано: я убью тебя! Понял?! *(В сторону «кабинета», энергично.)* Входите, адвокат... *(Диане.)* Иди и ты, я не трону тебя... Ты одержала полную победу. Я уйду. *(Обнимает Розалию, которая входит, и говорит ей.)* Розалия, иди сюда. Я уйду. Завтра я пришло за вещами.

Из «кабинета» появляется Ночелла в сопровождении Дианы, в то время как из глубины сцены молча выходит Альфредо.

Живите хорошо, прощайте. Прощайте и вы, адвокат, извините меня.

Из глубины сцены выходит Лючия.

Ты все понял, Думми... *(С показной веселостью.)* Я еще раз повторяю при людях: никто не должен знать о нашем разговоре! Никто! Держи при себе. *(Снимает с груди медальон, открывает его, вынимает оттуда сложенный в несколько раз старый банкнот в сто лир. Отрывает от него кусочек, на котором написано число, и оставляет себе. К Доменико.)* Я написала на нем небольшой счет. Он мне нужен. *(Бросает ему в лицо другую половину.)* Возьми! *(Затем почти весело, но с глубоким презрением.)* Детей не покупают! *(Идет в глубь сцены, в левую дверь.)* Всего хорошего, прощайте!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация, что и в двух предыдущих действиях. Везде цветы. Несколько красивых корзин с цветами, в которых виднеются белые поздравительные билеты. Цветы нежных тонов, не красные и не белые. В доме чувствуется праздничное настроение. Занавес, разделяющий столовую и «кабинет», плотно задернут. Прошло десять месяцев с того момента, как мы расстались с героями пьесы.

Почти вечер.

Входит Розалия из двери справа в праздничном платье. Одновременно с ней входит Доменико из «кабинета». Он совершенно изменился. Нет ни жестов, ни интонаций, характерных для его властолюбивой натуры. Он стал мягким, почти покорным. Волосы еще более побелели. Увидев Розалию, которая идет налево, останавливает ее.

Доменико. Куда вы ходили?

Розалия. Было вручение от донны Филумены.

Доменико. Вручение?

Розалия *(добродушно, вкрадчиво)*. Я и говорю – вручение. Уж не ревнуете ли вы? Я была в переулке Сан Либорио...

Доменкико. Зачем?

Розалия *(шутливо)*. Э... да вы и впрямь ревнуете!

Доменико. Какая тут ревность. Я просто сразу заметил, что вас нет дома.

Розалия. Я пошутила. *(Смотрит боязливо на дверь Филумены.)* Хорошо, я скажу... Но только ни слова донне Филумене, она никому не велела говорить.

Доменико. Тогда не говорите.

Розалия. Нет-нет... Мне кажется, я сделаю хорошо, если расскажу вам. За это ее надо еще больше уважать. Я отнесла тысячу лир и полсотни свечей для мадонны, покровительницы роз. Она послала меня к той старушке, которая живет рядом, отнесет цветы к мадонне и зажжет лампаду. Ровно в шесть часов вечера она зажжет все свечи. Знаете, почему в шесть? В шесть вы будете венчаться. А у мадонны загорятся свечи.

Доменико. Понятно.

Розалия. Святая она, вы берете святую. Даже помолодела. Стала как девушка – какая красавица. Я говорила: «Думаете, дон Доменико забыл о вас? Он ланнулировал ваш брак из-за упрямства... Но я знала, что вы женитесь на ней.

Доменико. Аннулировал.

Розалия. А я и говорю: ланнулировал.

Доменико *(немного раздасадован болтовней Розалии)*. Хорошо, донна Розалия, идите к Филумене.

Розалия. *(Однако продолжает говорить.)* Если бы не она... я бы кончила плохо. Она взяла меня к себе сюда, здесь я жила, здесь и умру.

Доменико. Как вам будет угодно!

Розалия. Нет. У меня все готово. *(Имеет в виду свою близкую смерть.)* Белая длинная рубашка с кружевной отделкой, штаны, чулки белые и чепчик. Все хранится в ящике. Только мне и донне Филумене известно, где он стоит. Она и оденет меня. У меня ведь никого нет. Если бы вернулись мои дети... С вашего извинения. *(Выходит в левую дверь.)*

Доменико. Позволения.

Розалия. А я что сказала?

Доменико (*оставшись один, ходит какое-то время по комнате, осматривает цветы, читает некоторые из пригласительных билетов, машинально заканчивает свои мысли вслух.*)
Хорошо!

Из глубины сцены, справа, раздаются неясные возгласы Умберто, Риккардо и Микеле.

Голоса за сценой. Голос Микеле: «В шесть. Да! Венчание в шесть». Голос Риккардо: «Когда один предлагает встретиться...» Голос Умберто: «Но я пришел вовремя». Входят трое молодых людей.

Микеле. Мы договорились встретиться в пять. Я опоздал на сорок пять минут.

Риккардо. Тебе кажется, этого мало.

Микеле. Ну хорошо, на свидание ведь всегда опаздывают на полчаса. Мы должны были встретиться в пять... в пять... плюс полчаса – половина шестого, ну а если округлить, так и получится – без четверти шесть...

Риккардо (*с иронией*). Днем меньше, месяцем больше.

Микеле. У меня четверо детей – я больше часов не покупаю. Только принесу – тут же сломают!

Умберто (*заметив Доменико, с уважением здоровается*). Добрый вечер, дон Доменико.

Риккардо (*также с уважением*). Дон Доменико...

Микеле. Дон Доменико...

Все трое выстраиваются перед Доменико. Молчат.

Доменико. Добрый вечер. (*Длинная пауза.*) Ммм... Что же замолчали? Вы о чем-то говорили...

Умберто (*немного смутившись*). Да-да...

Риккардо. Ну да... Говорили и потом... так.

Микеле. Мы уже наговорились.

Доменико. Едва увидели меня... (*К Микеле.*) Опоздал?

Микеле. Да, дон Доменико.

Доменико (*к Риккардо*). А ты пришел точно?

Риккардо. Да, синьор дон Доме.

Доменико (*к Умберто*). А ты?

Умберто. Минута в минуту, синьор дон Доме.

Доменико (*повторяет, словно разговаривая сам с собой.*) Минута в минуту, синьор дон Доменико.

(*Пауза.*) Ну, садитесь...Поближе садитесь.

Трое садятся.

Венчание в шесть. Есть еще время. Священник придет тоже в шесть. И... сегодня мы будем все свои. Филумена не хочет никого приглашать. Я хотел сказать... я говорил уже в прошлый раз... Мне кажется, что это дон Доменико... Одним словом, не нравится это мне.

Умберто (*робко*). Да.

Риккардо (*робко*). Да.

Микеле (*робко*). Да.

Умберто. Но вы не сказали, как к вам обращаться.

Доменико. Я не говорил этого, ожидая, что вы сами догадаетесь. Сегодня вечером я женюсь на вашей матери, уже договорился с адвокатом – он утрясет все формальности. У тебя глаза голубые... Завтра вы будете носить мою фамилию – Сориано...

Трое молодых людей поочередно вопросительно переглянулись, словно подыскивая ответ. Каждый ожидает, что другой заговорит раньше его.

Умберто (*набравшись храбрости*). Видите ли... я попытаюсь ответить... Все мы в эту минуту испытываем одинаковое чувство. Мы - уже не дети, мы - взрослые люди... и не можем вот так сразу называть вас по-другому, как вы справедливо и великодушно предлагаете. Есть некоторые вещи... Их надо прочувствовать внутренне.

Доменико (*тревожно-вопросительно*). А ты внутренне не ощущаешь это... ну, скажем, потребность... эту необходимость назвать человека... меня, например, – папой?

Умберто. Пока, в этот момент – нет!

Доменико (*немного разочарованно, обернувшись к Риккардо*). А ты?

Риккардо. Нет, я тоже.

Доменико (*к Микеле*). Ну, а ты?

Микеле. Нет, дон Доменико!

Доменико. Ну что ж, со временем привыкнете. Я доволен, очень рад, что я сейчас с вами. Что бы там ни было, а вы хорошие ребята. Все работаете, у одного одна профессия, у второго другая... Но у всех у вас одинаковое... одинаковое желание работать. Ты служащий и, если я не ошибся, выполняешь свое дело серьезно и с гордостью. Статьи пишешь...

Умберто. Небольшие рассказы.

Доменико. Ну вот... твоя мечта, значит, стать большим писателем...

Умберто. Нет, это слишком для меня.

Доменико. А почему? Ты же молод. Я знаю, для этого нужно иметь талант, надо родиться...

Умберто. Я сомневаюсь, что родился с талантом. Знаете, сколько раз я говорил себе: «Умбе, ты ошибся... У тебя другая дорога».

Доменико (*с интересом*). А какая другая могла бы быть?

Умберто. Кто знает... Есть столько интересных вещей, с детских лет начинаешь увлекаться...

Риккардо. Потом жизнь – сплошное стечение обстоятельств. Вот, к примеру, я. Как я оказался в магазине на Кьяйя? Любил белошвейку!

Доменико (*схватывая на лету*). Много девушек у тебя было?

Риккардо. Так.... не жалуясь...

Доменико, заинтересованный, встает, ищет в Риккардо какую-нибудь черту, свойственную своей молодости.

Знаете, не могу найти в моем вкусе. Увидел одну, понравилась, говорю себе: «Вот она...» И сразу решаю: «Женюсь». Потом вижу другую, и мне начинает казаться, что эта нравится больше. Никак не могу решиться – всегда новая женщина лучше той, которую знал раньше!

Доменико (*к Умберто*). Точно... А ты, наверное, наоборот, более спокоен в отношении женщин?

Риккардо: да он вообще монах.

Умберто. До определенного момента. С нынешними девушками трудно быть сдержанными. На улице, куда ни глянь, столько красавиц! Трудно выбрать. Что же мне остается делать? Буду искать до тех пор, пока не найду свой идеал.

Доменико смущен, обнаружив у него те же наклонности, что и у Риккардо.

Доменико (*к Микеле*). А как ты... тебе тоже нравятся женщины?

Микеле. Я очень рано попал в беду. Познакомился с женой и... прощай все. Теперь иди прямо, не заглядывайся по сторонам, с моей женой шутки плохи... Одним словом, понимаете, как мне живется. Не потому, что девушки мне не нравятся... Боюсь я...

Доменико (*обескураженно*). Значит, и ты любишь женщин... (*Пауза. Не оставляя надежды.*) Я, когда был молодым, любил петь. В те времена были серенады в моде. Собирались мы с друзьями, семь – восемь человек... Ужинали на террасе, а потом -- мандолины, гитары... Кто из вас поет?

Умберто. Я – нет.

Риккардо. И я.

Микеле. А я люблю.

Доменико (*счастливым*). Ты поешь?

Микеле. И как! Да разве можно без песни работать? Всегда пою в мастерской.

Доменико (*торжественно*). Спой что-нибудь.

Микеле (*уклоняясь, раскаиваясь в своем хвастовстве*). Я? Что ж мне спеть?

Доменико. Что хочется.

Микеле. Знаете что? Мне стыдно.

Доменико. Разве ты не поешь в мастерской?

Микеле. То другое... Эту знаете: «Скажите, девушки, подружке вашей»? Эх, хорошая песня!

(Начинает напевать бесцветным голосом, сильно фальшивя.)

«Скажите, девушки, подружке вашей,

Что я не сплю ночей, о ней мечтая,

Что всех красавиц она милей и краше...»

Риккардо (*перебивая*). Так и я умею петь... Каким местом ты поешь?

Микеле (*почти обиженно*). А что, плохой голос?

Умберто. И я спою.

Риккардо. А я – нет?

Доменико. Так любой споеет. (*к Риккардо.*) Спой-ка.

Риккардо. Я не такой нахальный, как он. Разве немного... (*Напевает.*)

«Скажите, девушки, подружке вашей,

Что я не сплю ночей, о ней мечтая,

Что всех красавиц она милей и краше...»

Умберто подтягивает последнюю фразу.

Микеле (*продолжает*).

«Я сам хотел признаться ей,

Но слов я не нашел...».

Возникает нестройный и неестественный хор.

Доменико (*прерывает их*). Довольно, хватит...

Все смолкают.

Персаньте: так лучше... Вы волнуетесь... Нельзя так... Трое неаполитанцев – и не умеют петь!

Слева входит Филумена в красивом новом платье. Высокая прическа «по-неаполитански», две нити жемчуга на шее. Серьги – «замочки» в ушах. Она выглядит почти как девушка.

Говорит с Терезиной, портнихой, которая идет за ней с Розалией и Лючией.

Микеле. Добрый вечер, мама.

Риккардо. Добрый вечер, поздравляю.

Филумена (*приятно удивлена*). Вы уже здесь? Добрый вечер. (*Терезине, упрямо.*) Иди, я покажу, где испорчено. Ну а ты сама не видишь, что тут испорчено.

Терезина. Где вы видите дефект, моя донна Филумена? Я же не первый год шью вам...

Филумена. Ну, а ты сама не видишь, что тут испорчено, а, Терезина?

Терезина, одна из неаполитанских портних, которые никогда не смущаются. Обиды разочарованных клиентов даже не задевают ее. Ее спокойствие выводит из себя.

Филумена. И глазом не моргнет! У тебя хватает совести смотреть в глаза и лгать?

Терезина. Что же, по-вашему, я должна признавать? Что здесь испорчено?

Знаешь, почему ты испортила? Когда ты кроила мне, ты выкроила и на платье своей дочке...

Филумена. Не в первый раз... Я видела твою девочку в новом платье из моего материала...

Терезина. Когда вы это говорите меня охватывает гнев. (*Другим тоном.*) Конечно, если остается...

Филумена смотрит на нее с упреком.

Но чтоб в ущерб клиенту? Никогда! Совести не хватит так поступать!

Розалия (*восхищенно*). Донна Филуме, вы – сама красота! Прямо под венец!

Терезина. Какое же платье вам еще надо?

Филумена (*поблуднев*). Не надо было воровать материал, понятно?

Терезина (*несколько обиженно*). Зачем такие слова? Вы так со мной еще никогда не разговаривали... Что же я, мошенница? Меня обозвали мошенницей лишь потому, что,

видите ли, осталось мало материала. *(Делает жест, означающий неизмеримо малое количество.)*

Доменико *(который до этого момента нетерпеливо ждал конца этой сцены, целиком погруженный в свои навязчивые и волнующие его мысли, Филумене)*. Филуме, я должен поговорить с тобой.

Филумена *(хромяя, делая несколько шагов по направлению к Доменкио. Она хромяет из-за новых туфель, которые жмут ей)*. Мадонна... ох, эти туфли...

Доменико. Жмут? Больно? Сними, надень другие.

Филумена. Что ты хочешь сказать мне?

Доменико. Терези, если вы уйдете, вы доставите нам большое удовольствие.

Терезина. Я не задержусь. Все, иду. *(Складывает материал и кладет его на руку.)* Примите поздравления, желаю счастья. *(Лючии, направляясь в глубину сцены.)* Э, никак не пойму, какое еще платье нужно? *(Уходит в сопровождении Лючии.)*

Доменико *(трем молодым людям)*. Идите в столовую, займите шаферов. Выпейте чего-нибудь. Розали, проводи их.

Розалия *(покорно)*. Да, синьор. *(Парням.)* Идемте. *(Уходит через «кабинет».)*

Микеле *(братьям)*. Пошли.

Смеясь, все трое выходят через «кабинет».

Доменико *(глядит на Филумену, восхищенно)*. Как ты хороша, Филуме... Снова стала молодой... И если бы не эти волнения и раздумья, я сказал бы – ты опять можешь заставить мужчину потерять голову!

Филумена *(любой ценой хочет избежать темы, которая волнует Доменико и которую она сразу угадала по его виду)*. Ну вот и все. Кажется, я ничего не забыла. Как я устала сегодня!

Доменико. И я не чувствую себя спокойным.

Филумена *(делая вид, что не понимает)*. Разве можно быть спокойным? Одна Лючия помогает. Альфредо и Розалия – два старика.

Доменико *(возобновляя прерванный разговор)*. Не увиливай, Филуме. Ты думаешь о том же, о чем и я... Только ты можешь дать мне душевное спокойствие и равновесие, Филуме...

Филумена. Я?

Доменико. Ты знаешь, я сделал все, как ты хотела. После того, как расторгли брак, я пришел к тебе... И не однажды, много раз я приходил к тебе... Но ты заставляла говорить, что тебя нет. Именно я пришел к тебе и сказал: «Поженемся, Филуме».

Филумена. Сегодня вечером наша свадьба.

Доменико. Ты счастлива?.. По крайней мере я так думаю.

Филумена. Разве не видно?

Доменико. Тогда сделай и меня счастливым. Сядь и выслушай. Я прошу тебя.

Филумена садится.

Если бы ты знала, сколько раз за эти девять месяцев я пытался поговорить с тобой, но не хватало смелости. Всеми силами я старался победить в себе чувство стыда. Я понимаю, это – сложная и деликатная тема, и мне самому больно ставить тебя в трудное положение, требуя ответа; но ведь мы будем мужем и женой. Ты знаешь, почему ты вступаешь со мной в брак. Я – нет. Я знаю только, что женюсь на тебе потому, что ты мне сказала, что один из этих троих – мой сын...

Филумена. Только поэтому?

Доменико. Нет... и потому, что люблю тебя. Двадцать пять лет мы были вместе. Это целая жизнь – двадцать пять лет. Воспоминания, ностальгия, совместная жизнь... Я верю в этот брак. Есть вещи, которые понимаются сердцем, и я их чувствовал. Я хорошо знаю тебя, вот поэтому так и говорю тебе все. *(Тяжело, печально.)* Если бы ты знала, что у меня на сердце... Уже десять лет прошло с того дня, не забыла? Что-то прерывает дыхание... делаю вот так... *(словно глотает воздух)*, и воздух останавливается в этом месте... *(Показывает на горло.)* Ты не можешь, не должна заставлять меня так жить. Ты женщина, у тебя есть сердце, ты все понимаешь и хоть немного любишь. Не мучай меня! Вспомни свои слова: «Не клянись!» Я не поклялся. Но теперь я прошу у тебя милостыню. Буду просить, как пожелаешь: на коленях, буду целовать твои руки, платье... Скажи мне, Филуме, скажи, кто мой сын, кто моя плоть... моя кровь... Скажи ради себя самой, чтобы это не выглядело так, что ты меня шантажируешь. Ведь все равно я женюсь на тебе, клянусь!

Филумена *(вкрадчиво и с нежностью)*. У него четверо детей.

Доменико *(тревожно – вопросительно)*. Рабочий?

Филумена *(одобрительно)*. Водопроводчик, как называет его Розалия.

Доменико *(себе самому, постепенно углубляясь в свои доводы)*. Хороший парень... сложен хорошо... здоровье завидное... Но зачем ему было так рано жениться? Сколько он зарабатывает в своей маленькой мастерской?.. Но и это неплохая профессия. Имея капитал, можно открыть небольшую фабрику с рабочими. Хозяином будет. Затем – магазин по сбыту новейшего водопроводного оборудования... *(Вдруг смотрит с подозрением на Филумену.)* Смотри-ка... и именно слесарь... водопроводчик! Женатый и самый бедный...

Филумена *(делая вид, что ей неприятно)*. А что остается делать матери? Помогать самому слабому... Но ты не веришь... Ты хитер, ты... Это – Риккардо, коммерсант.

Доменико. Продавец сорочек?

Филумена. Нет-нет. Умберто, писатель.

Доменико *(зло и безнадежно)*. Опять... ты снова прижимаешь меня к стенке. Даже сейчас – перед венцом.

Филумена (*взволнованная искренним тоном Доменико, призывает все свои самые нежные чувства, стараясь объяснить все конкретно и убедительно в последний раз*). Выслушай меня хорошенько, Думми, чтобы больше не возвращаться к этому. (*В порыве сдерживаемого чувства*.) Я любила тебя всей душой. Всю жизнь! В моих глазах ты был богом... Я и сейчас люблю тебя, и, может быть, больше, чем прежде... (*Заметив вдруг, что он не слушает и не понимает ее*.) Ах, что ты наделал, Думми! Ты сам себя мучаешь. Господь дал тебе все, чтобы стать счастливым: здоровье, красоту, деньги, и меня. Чтобы не причинять тебе неприятностей, я бы ничего не сказала. Я молчала и тогда, когда была недалеко от смерти. И ты бы тогда оказался щедрым человеком – облагодетельствовал трех несчастных. (*Пауза*.)

Доменико. Филуме, скажи кто мой сын.

Филумена. Не спрашивай больше, все равно не скажу... Я не могу сказать... Будь благороден и никогда не пытайся у меня. Я люблю тебя, Думми, и в минуту слабости... это будет несчастье для нас. Ты и не заметил, едва я сказала, что твой сын – водопроводчик, ты тотчас стал думать о деньгах... о капитале... о большом магазине... Это справедливо, что ты беспокоишься: «Деньги-то ведь мои». Начинаешь задумываться: «Почему я не могу сказать, что я его отец? А двое другие чьи же? Какие у них права на меня?» Настоящий ад!.. Тебе должно быть ясно, что из-за денег они подерутся... Трое взрослых людей, не мальчишки. Поубивают друг друга... Не думай о себе и обо мне, подумай о них. Думми, самое прекрасное, что связано с детьми, мы уже потеряли. Дети – это когда их носишь на руках, когда они еще крошки, когда трясешься над ними, когда у них что-то болит и они не могут объяснить, что у них, где болит... Они бегут навстречу тебе, протянув ручонки, кричат: «Папа!» Дети и тогда, когда приходят из школы, руки замерзли, нос красный, и просят чего-нибудь вкусенького... Но когда они вырастают, становятся взрослыми, то вот тогда – они все либо братья, либо враги ... У тебя есть еще время... Я не хочу тебе зла... Пусть все останется по-прежнему, и каждый пойдет своей дорогой!

За сценой слышатся первые пробные аккорды органа. Розалия выходит из «кабинета» в сопровождении трех молодых людей.

Розалия. Пришел... пришел священник...

Микеле. Мама...

Доменико (*встает из-за стола и долго глядит на всех. Потом, вдруг решившись*). Пусть все останется по-прежнему, и каждый пойдет своей дорогой... (*Молодым людям*.) Я должен сказать вам...

Все ожидают в смятении.

Я благородный человек и не могу вас обманывать. Выслушайте меня.

Трое. Да, папа!

Доменико (*взволнованный, смотрит на Филумену. Решил*). Спасибо. Сколько радости вы доставили мне... (*Продолжает.*) Ну так вот... Когда венчаются, отец ведет невесту к алтарю. Здесь нет родителей ... Здесь дети. Двое поведут невесту, а один жениха.

Микеле. Мы поведем маму. (*Идет к Филумене и приглашает Риккардо последовать его примеру.*)

Филумена (*вдруг вспоминает*). Который час?

Риккардо. Около шести.

Филумена (*подходит к Розалии*). Розалии...

Розалия. Будьте спокойны. Ровно в шесть зажгут и там свечи.

Филумена (*опершись на руки Микеле и Риккардо*). Идемте... (*Входит в «кабинет».*)

Доменико (*к Умберто*). А меня поведешь ты...

Небольшой кортеж скрывается в «кабинете». Розалия взволнована; кроткая, как всегда, она остается на своем месте, хлопая в ладоши и смотря на занавеску, разделяющую «кабинет» и гостиную. За сценой орган играет «Свадебный марш». Розалия плачет. Через некоторое время к ней подходит Альфредо, и они вместе наблюдают церемонию. К ним присоединяется и Лючия.

Темнеет, становится абсолютно темно. Со стороны террасы медленно появляется лунный свет, постепенно зажигаются огни люстры. Прошло некоторое время.

Филумена в сопровождении Умберто, Микеле и Розалии выходит из открытого «кабинета», идет налево.

Филумена. Мадонна, как я устала!

Микеле. Теперь отдыхайте. Мы тоже пойдем. Завтра много работы в мастерской.

Розалия (*с подносом, заставленным пустыми рюмками, идет к Филумене*). Поздравляю, поздравляю, поздравляю... Какая красивая церемония! Сто лет тебе жить, дочь моя! Ты могла бы быть моей дочерью

Риккардо (*из «кабинета»*). Венчание действительно было прекрасным.

Филумена (*Розалии*). Розали, стакан воды...

Розалия (*с уважением*). Сию минуту, синьора... (*Выходит.*)

Доменико выходит из «кабинета» с бутылкой «специального» вина, пробка залита сургучом.

Доменико. Никаких гостей, без банкета, но бутылку-то вина в семье мы должны распить, здесь и разопьем... (*Берет со шкафа штопор.*) (*Открывает бутылку.*) Это и для спальни неплохо.

Розалия (*возвращается со стаканом воды на блюде, по-неаполитански*). Вот вода.

Доменико. Для чего нам вода?

Розалия (*словно говоря: «Но меня просила донна Филумена»*). Синьора...

Доменико. Скажи синьоре, сегодня вечером пить воду – плохая примета. Позови и Лючию... Да, чтобы не забыть. Позови и Альфредо Аморозо, наездника, шофера и знатока беговых лошадей.

Розалия (*кричит, обернувшись направо*). Альфре... Альфре... иди, идите выпить рюмку вина с синьором... Лючи, ты тоже иди сюда.

Альфредо выходит из глубины сцены вместе с Лючией.

Альфредо. Вот и я.

Доменико (*наполнил рюмки и раздает их*). Держи Филумена, пей! (*Остальным.*) Пейте.

Альфредо (*выпивая*). За ваше здоровье!

Доменико (*глядит на своего поверенного с нежностью и грустью*). Ты не забыл, Альфре, как бегали наши лошадки?

Альфредо. Господи!

Доменико. Перестали... Перестали бегать. А я не хотел этому верить, всегда в мыслях видел, как они мчались. А теперь, да, давно их нет, да, очень давно! (*показывает на сыновей.*) Вот кто помчится теперь! Ох и помчатся эти лошадки, эти чистокровные жеребцы! Альфре, какой вид был бы у нас, оседлай мы сейчас наших лошадок? Нам смеялись бы в лицо!

Все пьют.

Дети есть дети! И это дар Божий! Когда в семье их трое или четверо, всегда бывает, что отец выделяет кого-нибудь, потому ли, что он плохой, или больной, или самый дерзкий, самый задиристый... И остальные дети не обижаются... находя это справедливым. Это – почти право отца... У нас этого не случится: наша семья создалась слишком поздно. Предпочтение любить одного из детей, на которое я имел бы право как отец... я разделю между вами тремя. (*Пьет.*) За ваше здоровье!

Филумена молчит. Она сняла с груди букетик апельсиновых цветов и время от времени вдыхает их аромат.

Доменико (*молодым людям, чистосердечно*). Мальчики, завтра вы придете сюда обедать.

Трое. Спасибо.

Риккардо (*подойдя к матери*). Однако сейчас мы оставим вас, уже поздно, мама надо отдохнуть.

Будь здорова, мама. (*Целует ее.*) Еще раз поздравляю. Завтра увидимся.

Умберто (*подражая брату*). Будь здорова, мама. До свидания.

Микеле. Спокойной ночи. Поздравляю еще раз...

Умберто (*подойдя к Доменико и нежно улыбнувшись*). Спокойной ночи, папа...

Риккардо и Микеле (*вместе прощаются*). Доброй ночи, папа...

Доменико (*смотрит на трех молодых людей с признательностью. Пауза*). Поцелуйте меня.

Все трое по очереди с волнением целуют его.

До завтра!

Трое (*уходя вместе с Альфредо, Розалией и Лючией*). До завтра!

Доменико проводил их взглядом, погруженный в свои чувства. Подходит к столу и наливает еще рюмку.

Филумена (*усевшись в кресло и сняв туфли*). До завтра! Думми, самое прекрасное, что связано с детьми, мы потеряли. Дети – это когда их носишь на руках, когда они еще крошки, когда трясешься над ними, они бегут навстречу тебе, протянув ручонки, кричат: «Папа!» Мадонна, только сейчас я почувствовала насколько как устала!

Доменико (*понимающе, с чувством*). Целый день в движении... потом волнение... приготовления последних дней... Но теперь успокойся и отдыхай... (*Берет рюмку и подходит к террасе*.)
Вечер удивительный!..

Что-то сдавило горло Филумены, она издает стон. Раздаются звуки, похожие на плач. Она устремляет взор в пустоту, словно ожидая чего-то. На лице у нее слезы, похожие на прозрачные капли воды на чистом полированном гравии.

(*Подходит, обеспокоенный.*) Филуме, что с тобой?

Филумена. Думми, я плачу... Как хорошо плакать...

Доменико (*нежно обнимая ее*). Ничего... ничего... Ты бежала, бежала... испугалась... упала... поднялась... выкарабкалась... много думала... от мыслей устают. Отдыхай! (*Возвращается к столу, берет рюмку и отпивает глоток.*) Дети есть дети... (*И выпивает вино в то время, как закрывается занавес.*)

ЗАНАВЕС

